

rocketbook

ЭКЗОРЦИСТ

*Лучшие
мистические рассказы*

Герберт Уэллс

**Экзорцист. Лучшие
мистические рассказы**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.2
ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

Уэллс Г. Д.

Экзорцист. Лучшие мистические рассказы / Г. Д. Уэллс —
«Эксмо»,

ISBN 978-5-699-94027-1

В сборник вошли самые страшные и загадочные мистические рассказы об изгнании демонов, заклинании злых духов, истории о шокирующих происшествиях с человеческими душами и их хозяевами. Сила влияния древних культов, заселение в тело инородной злой сущности, наглые привидения и леденящие душу потусторонние существа в рассказах Г. Уэллса, М. Джеймса, Дж. К. Бангза, Э.Ф. Бенсона и других мастеров жанра мистических историй.

УДК 821.111-312.2

ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-94027-1

© Уэллс Г. Д.
© Эксмо

Содержание

Сэйбин Бэринг-Гулд	6
Роза Малхолланд	18
Джеймс Брандер Мэтьюз	27
Чарльз Уэбстер Ледбетер	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сэйбин Бэринг-Гулд, Роза Малхолланд, Джеймс Брандер Мэтьюз и др Экзорцист (сборник)

© Антонов С., комментарии, 2017

© Брилова Л., перевод, 2017

© Бродоцкая А., перевод, 2017

© Волков В., перевод, 2017

© Липинская А., перевод, комментарии, 2017

© Микерина Е., перевод, 2017

© Полищук В., перевод, 2017

© Роговская Н., перевод, 2017

© Сухарев С., перевод, 2017

© Теремязева С., перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

Сэйбин Бэринг-Гулд Меревиги

Перевод Людмилы Бриловой

Живя в Эссексе, я имел удовольствие быть знакомым с майором Донелли, отставником на половинном содержании, который долгие годы прослужил в Индии. Он отличался редкостной наблюдательностью и был настоящим кладезем всевозможных ценных сведений, которыми охотно делился со своими близкими приятелями, в том числе и со мной.

Ныне майора Донелли нет с нами, и мир от этого много потерял. Майора интересовало все: антропология, механика, археология, естественные науки, фондовый рынок, политика. Собственно, какой предмет ни затронь в беседе, любой оказывался в определенной мере ему знаком, и это знакомство майор непременно желал расширить. Подобную личность невозможно не ценить. Меня он просто завораживал.

Однажды во время совместной прогулки я случайно упомянул так называемые Красные Холмы. Донелли никогда о них не слышал, заинтересовался, и я поделился с ним тем немногим, что знал. Красные Холмы – это возвышения из обожженной глины кирпично-красного цвета, которые встречаются на восточном побережье, по краю маршей. Когда и с какой целью они были устроены, никто с точностью не знает. Выдвигались различные гипотезы, приверженцы упорно их отстаивали, но убедительных свидетельств до сих пор не найдено. Если бы было предпринято тщательное научное исследование, обнаружены, к примеру, кремневые орудия, глиняные черепки или монеты, определено время, к которому они относятся, это облегчило бы задачу тем, кто гадал о назначении холмов. Однако в ту пору, когда я жил в Эссексе, такого исследования проведено не было, и проводилось ли оно впоследствии, мне неизвестно.

Я вкратце ознакомил Донелли с некоторыми версиями происхождения Красных Холмов: возможно, они остались от выварки соли, или представляют собой могильники, или же это искусственные фундаменты для рыбацких хижин.

– Вот, в самую точку, – оживился майор. – Мера предосторожности от болотной лихорадки. Вам ведь известно, что обожженная глина – самое надежное средство против болотной лихорадки, этого бича эссекских маршей? В Центральной Африке, в болотистых низинах, аборигены прекрасно об этом знают и строят свои жилища как раз на таких платформах. Послушайте, дружище: мне просто не терпится взять лодку и вместе с вами исследовать для начала оба берега Блэкуотер с ее рукавами и нанести на карту все, какие нам попадутся, красные холмы.

– Охотно составлю вам компанию, – согласился я. – Нужно, правда, иметь в виду, что многие холмы срыли, однако их прежнее местонахождение можно легко определить по цвету почвы.

И вот в ближайший погожий день мы наняли лодку (без лодочника, так как рассчитывали грести сами) и отправились в экспедицию. Местность вокруг Блэкуотер равнинная, наклон речного и морского берега такой незначительный, что большое пространство можно в равной мере отнести к суше и водоему. Обширные марши то уходят под воду, то расцветают кермеком, в июне же вспыхивают яркой порослью армерий. На маршах находят себе питание жесткие травы и солерос. Марши расчерчены паутиной, бесчисленные нити которой состоят из воды и ила. Горе тому, кто, оступившись или не рассчитав прыжок, свалится в такую канаву: он по пояс увязнет в иле. Временами, когда высоких приливов не ожидается, на маршах пасут овец. Они умеют перепрыгивать через канавы, а пастух следит за обстановкой и, заметив опасность, гонит стадо прочь.

Ближе к твердой суше, неизвестно когда, были устроены насыпи, чтобы отвоевать у моря кусок земли; с внутренней стороны образовались рвы со стоячей водой, где в изобилии плодятся комары. Еще дальше от берега растут дубы; летом комары слетаются к ним такими густыми тучами, что кажется, будто кроны дымятся. Мы с майором Донелли лениво работали веслами, загребали в притоки, выбирались на берег, определяли свои координаты и отмечали на карте расположение красных холмов или их следов.

Мы основательно исследовали левый берег до определенной точки, и тут майор Донелли предложил перебраться к противоположному.

– Я бы посоветовал пройтись основательно по верховьям, – сказал он, – и тогда с одним участком будет полностью покончено.

– Хорошо, – согласился я, и мы стали разворачивать лодку. К несчастью, мы не учли, что устье сильно заилено. К тому же начался отлив, и мы сели на мель.

– Проклятье, – выругался майор, – застряли. Вот ведь незадача.

Мы попытались отгалькиваться веслами, но дно было мягкое и опоры не находилось.

И тут Донелли сказал:

– Делать нечего, придется кому-то одному выйти и подтолкнуть лодку. Позвольте мне. Брюки я надел старые, обтрепанные, их не жалко.

– Ни в коем случае, пойду я.

С этими словами я прыгнул за борт. Но и майор тоже прыгнул, и вместе мы погрузились в липкую слизь. По консистенции она напоминала шпинат. Я говорю не про тот шпинат, который подают к столу у нас в Англии, небрежно измельченный, часто с крупинками, а шпинат с французского табльдота – протертый через мелкое сито. Более того, под слоем слизи как будто не было дна. Судя по всему, слизь уходила в глубину на добрую милю – чуть ли не до центра земли, а уж воняла просто несусветно. Чтобы не завязнуть с головой, мы вцепились с разных сторон в борта лодки.

Так мы и торчали по обе стороны, держась за планширы и глядя друг на друга. Сперва никто не произносил ни слова. Донелли первым пришел в себя, потерял ртом о планшир, чтобы стереть шлепки грязи, и спросил:

– Можете выбраться?

– Не похоже, – ответил я.

Мы налегли на лодку, она дернулась, полетели брызги, и наши головы и руки сплошь облепило грязью.

– Так не пойдет, – сказал он. – Надо выбираться обоим одновременно, причем не разом. Слушайте, когда я скажу «три», ступите в лодку левой ногой, если сумеете.

– Постараюсь.

– Дальше нам нужно будет действовать согласованно. Только без фокусов: если, пока я буду закидывать ногу, вы захотите влезть целиком, лодка опрокинется.

– В жизни не фокусничал, – огрызнулся я, – а уж в такую минуту тем более не собираюсь.

– Хорошо, – сказал майор. – Раз... два... три!

В тот же миг мы оба, вытянув левые ноги из ила, перекинули их через противоположные борта лодки.

– Как вы? – поинтересовался Донелли. – С ногой все нормально?

– Все, кроме ботинка. Его засосало в грязь.

– Да бог с ним, с ботинком, лишь бы не всю ногу. Иначе нарушилось бы равновесие. А теперь... теперь дело за туловищем и правой ногой. Наберите в грудь воздуха и ждите, пока я крикну «три».

Мы помедлили, отдуваясь, а потом Донелли зычным голосом проорал:

– Раз... два... три!

В тот же миг мы, напрягши все силы, совершили отчаянный рывок и забрались наконец в лодку. Немного отдышавшись, мы сели на противоположные планширы и стали разглядывать друг друга. С ног до головы нас покрывала мерзкая жижа, одежда задубела, лица и руки тоже. Зато опасность миновала.

– Будем торчать здесь все шесть часов, – проговорил Донелли, – пока прилив не стронет лодку с места. Звать на помощь нет смысла. Если даже нас услышат, никто сюда не доберется. Приходится мириться с обстоятельствами. К счастью, солнце жарит вовсю, грязь подсохнет и мы сможем хоть немного ее облупить.

Перспектива не радовала, но делать было нечего.

Неожиданно Донелли добавил:

– Хорошо, что у нас при себе закуска, а главное, виски – ведь это самое насущное. Слушайте, дружище, больше всего мне хочется смыть с наших рук и лиц эту мерзость: она воняет так, что куда там помоям с кухни самого сатаны. В корзинке была, как будто, бутылка кларета?

– Да, я положил.

– Тогда самым лучшим для него употреблением будет им умыться. Как выпивка он слабоват, а кроме того, у нас ведь есть виски.

– Вода совсем отступила, – заметил я, – ею не умоешься.

– Ну вот и откройте «Сен-Жюльен».

И вправду делать было нечего. От мерзкого запаха нас мутило. Я вытащил пробку и мы совершили омовение кларетом. Потом вернулись на свои места и печально уставились друг на друга. Шесть часов среди ила в устье Блэкуотер – нескончаемый срок! Разговаривать не хотелось. Прошло четверть часа, и майор предложил закусить. Мы занялись содержимым корзины, разумеется, уделив особое внимание бутылке виски. Как же иначе, если мы промокли до нитки и перемазались в дурно пахнущей грязи.

Покончив с курицей и окороком и осушив емкость с виски, мы заняли привычное положение визави. Важно было следить за равновесием. На сей раз майор Донелли настроился на разговор.

– Должен вам сказать, – начал он, – что ни в Колчестере, ни в Челмсфорде я не встречал человека ученей и приятнее вас.

Привожу эти слова только из-за рассказа, который за ними последовал.

Я отозвался – осмелюсь заметить, покраснев, хотя и так был красен после кларета. Я отозвался:

– Вы мне льстите.

– Вовсе нет. Я всегда говорю то, что думаю. Вы приобрели массу знаний, вырастили свои крылья и облеклись в цвета радуги.

– Бога ради, о чем вы? – удивился я.

– Известно ли вам, что все мы когда-то вырастим себе крылья? Уподобимся ангелам? Из какой основы, по-вашему, разовьются эфирные крылья? Из ничего они не вырастут. *Ex nihilo nihil fit*¹. Не думаете же вы, будто материалом им послужат курица и окорок?

– Или виски.

– Или виски, – кивнул майор. – Как вам известно, то же относится и к личинкам бабочки.

– Вот уж не пробовал, – заметил я.

– Я уже не про пищу, я о гусеницах. Всю свою короткую жизнь эти создания заняты одним: едят, едят и едят. Возьмите капустный лист, весь в дырках – все, что возможно, выела личинка, и я скажу зачем. Она окуклится, за зиму произойдет превращение, и весной из

---

¹ Из ничего не происходит ничего (*лат.*).

куколки вылетит яркая бабочка. Цветные крылья насекомого на второй стадии его существования – это переработанный капустный лист, который сожрала личинка.

– Все так. Но какое отношение это имеет ко мне?

– Мы тоже находимся на стадии личинки. Только не вообразите себе, будто наши будущие радужные крылья произойдут из того, что мы здесь едим: окороков и куриц, почек, говядины и прочего. Нет, сэр, конечно, нет. Они формируются из поглощенных нами сведений, из всего того, что мы познали на первой стадии существования.

– Откуда вам это известно?

– Сейчас услышите. Однажды со мной произошла интересная история. Рассказывать довольно долго, но раз уж нам предстоит еще пять с половиной часов глазеть друг на друга, дожидаясь прилива и отплытия, то почему бы не скрасить это время, а заодно не помочь вам расцветить крылья, которые будут вам даны? Хотите послушать?

– Больше всего на свете.

– Сначала что-то вроде предыстории, – продолжал Донелли. – Без нее не обойтись, она подводит к тому, что для меня особенно важно.

– Бога ради, пусть будет предыстория, раз она так поучительна.

– Как нельзя более, – заверил он. – Но прежде чем я начну, передайте мне, пожалуйста, бутылку, если в ней еще что-то осталось.

– Виски больше нет.

– Ну ладно, что поделаешь. Когда я жил в Индии и переезжал с места на место, разбил я как-то где-то палатку. У меня был местный слуга. Забыл его настоящее имя, да оно и не важно. Я всегда звал его Алек. Прелюбопытный был парень, остальные слуги его уважали и побаивались. Считали, он духовидец и имеет связь с потусторонним миром. Он был честен по местным понятиям, то есть не позволял никому меня грабить, но сам, конечно, потихоньку приворовывал. В Индии к этому привыкаешь и перестаешь обращать внимание. Хорошо уже то, что он не позволял другим касаться моего добра. Так вот, как уже было сказано, я разбил палатку на самом, казалось бы, подходящем месте, однако ночью спал очень плохо. Словно бы по мне ползала сороконожка. Утром я пожаловался на это Алеку и велел тщательно осмотреть матрас и землю под палаткой. На лице индуса не дрогнул ни один мускул, но в глазах вроде бы мелькнула какая-то мысль. Тем не менее я тут же об этом забыл. Следующая ночь прошла не лучше, а наутро я обнаружил на своих панджамах прореху по всей длине. Я позвал Алека, показал ему порванное платье и снова пожаловался на плохой сон. «Ах, сахиб, – говорит Алек, – это все проделки Абдулхамида, кровожадного негодяя!»

– Простите, – прервал я Донелли. – Неужели он имел в виду нынешнего турецкого султана?

– Нет-нет, не султана, а его тезку.

– Прошу прощения. Но вы упомянули кровожадного негодяя, и мне пришел на ум султан.

– Нет-нет, это другой человек. Если угодно, называйте его другим Абдулом. Но я продолжу.

– Еще только один вопрос. Абдулхамид – это ведь не индийское имя?

– А я и не говорил, что индийское, – не без раздражения пояснил майор. – Конечно же, он был магометанин.

– Но имя скорее турецкое или арабское.

– За это я не отвечаю, я его не крестил. Я просто повторяю слова Алека. Будете придираться – брошу рассказывать.

– Не примите за обиду, – сказал я. – У меня есть несомненное право проверять качество материала, который пойдет на мои будущие крылья. Продолжайте; больше я не стану перебивать.

– Очень хорошо, условились. Вы подсыхаете?

– Медленно. Солнце печет, но сушит одну сторону.

– Со мной то же самое. Думаю, нам лучше поменяться местами.

Мы осторожно пересели, и каждый водворился на противоположном планшире.

– Готово, – заключил Донелли. – Как там со временем? Мои часы остановились, их залепило илом.

– Мои застряли в жилетном кармане; стану добираться – испачкаю пальцы, а мыть нечем; кларет весь вылили, а виски влили куда надо.

– Ладно, не важно; времени хоть отбавляй, успею все рассказать. На чем бишь я остановился? Ах да, Алек упомянул Абдулхамида – не султана, а распоследнего негодяя. Дальше Алек сказал, что и сам обладает острым чутьем на кровь, даже пролитую сто лет назад, и что моя палатка и постель устроены на том месте, где было совершено самое что ни на есть зверское преступление. А упомянутый им Абдул – преступник, на совести которого этих зверских деяний было видимо-невидимо. Разумеется, своего сиятельного тезку он не переплюнул, но у него и возможности были не те. На том самом месте, где я находился, этот кровавый лиходея разошелся как никогда: убил своих родителей, тетку и собственных детей. Его схватили и повесили. Когда его душа рассталась с телом, нормальным порядком ей полагалось бы войти в оболочку скорпиона или другого вредоносного существа, чтобы, усовершенствовавшись через ряд воплощений, снова достигнуть того уровня, который позволяет родиться в человеческом теле.

– Простите, что перебиваю, – не выдержал я, – но, как я понял, Абдулхамид был магометанин, а сыны Пророка не верят в переселение душ.

– Именно этими словами я и возразил Алеку. Но он растолковал мне, что душе после смерти будет дано не по вере, а по велению судьбы: что бы ни предполагал человек при жизни относительно своего будущего состояния, существует лишь одна на всех истина, в чем ему и предстоит убедиться. Это истина индусов, которая заключается в том, что душа переходит со ступени на ступень, чтобы воплотиться в человеке, а далее следует новый, бесконечный цикл реинкарнаций. «Значит, – сказал я, – ночью мне щекотал ребра скорпион, в котором воплотилась душа Абдула». «Нет, сахиб, – очень серьезно ответил слуга. – Он был слишком порочен, чтобы, так сказать, осквернить своей пятой хотя бы низшую ступень лестницы существований. Ему было назначено бродить призраком у мест своих преступлений, пока он не найдет кого-то, кто там заснул. У спящего должна быть родинка, а из нее должны расти три волоска. Эти три волоска Абдулу нужно вырвать, посадить на могиле своих последних жертв и полить слезами. Они станут первыми каплями раскаяния, которые позволят ему приступить к первой стадии цикла реинкарнаций». «Выходит, – говорю я, – этот головорез во искупление своих грехов две прошедшие ночи искал на мне родинки? А что ты скажешь про распоротые панджамы?» – «Его работа, сахиб. Наверно, он вас перевернул и ногтями сделал прореху, чтобы поискать на спине вожделенные родинки». – «Надо мне передвинуть палатку, – говорю я. – Чур меня спать и дальше на этом проклятом месте».

Донелли замолк и стал отколупывать с рукава чешуйки ила. Мы начали подсыхать, но одновременно и отвердевать: ил, застывая, превращался в панцирь.

– До крыльев мы все еще не дошли, – заметил я.

– Я к ним подбираюсь, – ответил майор. – Только-только завершил предысторию.

– А, так это была предыстория?

– Да. Имеете что-то против? Это был пролог. Теперь перейду к сути. Приблизительно через год после этого случая я получил отставку и вернулся в Англию. Что стало с Алеком, я не знал, да мне и дела до него не было. Пошел третий год моей жизни в Англии, и вот шагаю я как-то по Грейт-Расселл-стрит и у ворот Британского музея замечаю индуса, по виду вконец продрогшего и потрепанного. При нем лоток с ножными браслетами, ожере-

льями и прочими безделушками немецкого производства, которые он продает как восточные украшения. Когда я приблизился, он поздоровался, и, приглядевшись, я узнал Алека.

«Каким ветром тебя сюда занесло?» – поразился я. «Сахиб удивлен, оно и понятно, – отвечал Алек. – Я приехал, чтобы поправить свои дела. Прослышал, что в Лондоне есть Общество психических исследований, и подумал, что меня, при моих редкостных способностях, примут с распростертыми объятиями и назначат мне ежегодное содержание, так как я могу непрерывно снабжать их из первых рук самыми доподлинными рассказами о привидениях». «И что получилось из твоего замысла?» – спрашиваю. «Ничего, сахиб. Я их не нашел. Пробовал спрашивать у подметальщиков перекрестков, но они ничего не знают, а когда я обращался к полицейским, меня гнали прочь: нет, мол, такого общества. Я бы умер с голоду, сахиб, если бы не взялся за это занятие». Он указал на лоток. «И как оно, приносит доход?» Алек печально помотал головой: «С гулькин нос, разве что жив. Смотрите-ка, меревиг». «И сколько этого добра ты сбываешь за день?» – спрашиваю я. «По-разному, сахиб. Бывает больше, бывает меньше, а в целом получается всего ничего. Еле свожу концы с концами. Глядите, еще меревиг». – «Где делают эти вещицы? В Германии или в Бирмингеме?» – «О, сахиб, откуда мне знать? Я их беру у одного торговца-еврея. Он снабжает нескольких разносчиков. Но я брошу это нестоящее дело, обзаведусь палаткой и стану продавать рахат-лукум. На него всегда спрос. Вы, англичане, охочи до сладостей. Меревиг!» Он указал на невзрачно одетую женщину с ридикюлем в руках, которая проходила через крашенные железные ворота. «Что за меревиги такие?» – спросил я. «Неужто сахиб не знает? – На лице Алека выразилось неподдельное изумление. – Пусть сахиб посмотрит в большом читальном зале, там их видимо-невидимо. Это их любимое место в Лондоне, круглый день так и снуют, особенно по утрам. В девять, стоит библиотеке открыться, они уже тут как тут. Большинство сидит целый день, начитывается и начитывается». – «А, так ты об учащихся». – «Они не все учащиеся, но многие. Я узнаю их с одного взгляда. Сахибу известно, у меня дар распознавать духов».

– Кстати, – прервал себя Донелли, – вы по-хиндустани что-нибудь понимаете?

– Ни слова.

– Очень жаль, мне было бы много проще изложить наш с ним разговор на хиндустани. Я владею этим языком как родным, а предмет, о котором дальше пойдет речь, легче трактовать как раз на хиндустани.

– С тем же успехом можете говорить по-китайски. Я не усвою ровно ничего. Обождите минуту. Я растрескиваюсь.

Так оно и было. Солнце основательно высушило мою корку ила. Наверно, я стал походить на старинную картину с потемневшим лаком и сеткой кракелюров. Я встал, потянулся, и на моем панцире образовались разломы. Он растрескался на фрагменты, края которых стали задираются.

– Не слишком спешите с очисткой, – посоветовал Донелли. – Времени у нас в избытке, и я хочу продолжить рассказ.

– Тогда давайте. А когда дойдет черед до крыльев?

– Прямо сейчас. Ну, раз уж вы не поймете на хиндустани, постараюсь изложить суть того, что сказал Алек, на расхожем языке. Дам вам резюме. Объяснение индуса свелось к следующему. По его словам, с нами, христианами и белыми людьми, дело обстоит не так, как с чернокожими и желтокожими. После смерти мы не переходим в тела низших животных, и это является великим преимуществом, которое должно нас бесконечно радовать. Мы сразу обретаем более высокую форму существования. У нас вырастают крылья, как у личинки, когда она становится бабочкой. Но в их состав не входит грубая материя. Их формируют, или они формируются, из разнообразных сведений, которыми мы обогатили свой ум за время жизни. Пребывая здесь, в смертной оболочке, мы в большом количестве накапливаем все-

возможные знания – естественно-научные, исторические, философские и прочие, – которые составляют, так сказать, психическую массу. Далее, через процесс сокровенный, загадочный и совершенно необъяснимый, она преобразуется в наши будущие крылья. Чем больше мы накопили, тем больше будут крылья; чем разнообразней состав, тем ярче и пестрее их окраска. Но если мозг умершего пуст, откуда взяться крыльям? Из ничего ничто не возникнет. Таков закон природы, его не обойти. Вот почему, друг мой, вам не придется сетовать на свое нынешнее пребывание в грязи. Я снабдил вас таким обилием новых ценных знаний, что, пожалуй, вашему убору позавидует любой павлин.

– Премного вам обязан, – проговорил я, трескаясь от избытка благодарности на тысячу фрагментов.

Донелли продолжил:

– Рассказ Алека так меня увлек, что я предложил ему: «Пойдем со мной в зал Ниневии, там мы сможем обсудить это дело подробнее». «Ах, сахиб, – ответил он, – меня туда не пустят с лотком». – «Хорошо, тогда найдем ступеньку перед портиком, не слишком обсиженную голубями, и устроимся там». Он согласился. Привратник, однако, преградил индусу дорогу, ссылаясь на то, что на территории музея запрещена торговля. Я объяснил, что торговать мы не собираемся, наша цель – обсудить вопросы психологии. Это вроде бы убедило стража, и он позволил Алеку пройти со мной в ворота. Выбрав на лестнице место почище, мы уселись рядышком, и индус заговорил снова.

Мы с Донелли быстро высыхали. Сидя друг напротив друга, мы напоминали, наверно, шоколадных человечков в кондитерской – только, разумеется, много крупнее и цвета не такого приятного, да и запах от нас исходил не столь соблазнительный.

– На каменной лестнице, – продолжал Донелли, – я почувствовал, как по моему организму распространяется холод, меж тем после возвращения на родину у меня уже два прихватывало поясницу. Я поднялся на ноги, вынул из кармана «Стандард» и сложил, сделав прокладку между собой и ступенькой. Притом я позаботился вытащить внутренний лист с передовыми статьями и предложить Алеку для той же цели. Восточные люди неспособны ценить любезность; среди их добродетелей благодарность не числится. Однако невежественный язычник не отнесся равнодушно к этому проявлению заботы. Губы его дрогнули, и он сделался еще более говорлив, хотя это и трудно представить. Легонько толкнув меня в бок лотком, он сказал: «Еще меревиг идет. Интересно, почему она так рано уходит?» Я увидел средних лет женщину в сером засаленном платье; с юбки петлей свисала неподшитая тесьма. «Кто они, эти меревиги?» – спросил я. Перескажу его ответ своими словами. На всех мужчин и женщин (я говорю только о европейцах и американцах) возложена, в их же интересах, моральная обязанность на первом этапе жизни наполнить свой мозг всеми премудростями, какие он способен вместить; из этого материала будут составлены на втором этапе их крылья. Чем более разнообразен этот запас, тем, разумеется, лучше. Мужчины набираются знаний волей-неволей. Даже если они почти ничего не вынесут из школы, им так или иначе придется пополнить свое хранилище в юношеском возрасте – для хлыщей, которые вообще не способны учиться, я, конечно, делаю исключение. Даже спорт и охота кое-что дают, а уж о бизнесе, общении, путешествиях и говорить нечего. В общей беседе, как вы понимаете, сведения притекают к тебе сами; политика, социальные вопросы, естественная история, научные открытия – все это составляет основу разговора, и копилка мозга у мужчины непременно заполняется. Но с женщинами дело обстоит иначе. Юные девы не читают ничего, кроме романов – с тем же успехом можно питаться мыльными пузырями. Между собой они не разговаривают, а пустословят.

– Однако же, – возразил я, – в нашем цивилизованном обществе молодые женщины свободно общаются с мужчинами.

– Верно. Но чем ограничиваются такие диалоги? Зубоскальством, легковесными шуточками. Мужчины не говорят с девицами ни о чем осмысленном, зная, что собеседницу подобные предметы не заинтересуют, она попросту неспособна о них думать. Часто слышишь вопрос, почему многие англичане предпочитают брать в жены американок. Да потому, что американские девушки не ленятся развивать свой ум и женщины из них вырастают разумные, хорошо образованные. Такая жена способна разделять интересы мужа, беседовать с ним едва ли не обо всем. Она становится другом и соратником. Современная английская девица этого не умеет. Голова у нее пустая, как барабан. Если девица, повзрослев, выйдет замуж или даже останется старой девой, положение поменяется: она начнет разводить птицу, пристрастится к садоводству, приобретет массу познаний касательно нравов и обычаев домашней прислуги. Получается, что огромное большинство молодых англичанок, умерших в юности, не успевают накопить в мозгу материал для будущих крыльев. На стадии личинки они не потребили пищи, необходимой, чтобы подняться на более высокую ступень.

– Выходит, – сказал я, – мы все, не исключая вас и меня, находимся на той же, что и девицы, стадии – то есть мы личинки.

– Так и есть, мы тоже личинки, но они личинистей. Но что дальше? Когда девицы умирают, не успев приобрести достаточный умственный багаж, они, понятно, не могут переродиться. Они становятся меревигами.

– А, так вот оно что, – удивился я.

– Да, но эти меревиги при мне выходили из Британского музея или входили туда, чтобы осмотреть коллекции или поработать в читальном зале, и я заметил, что они по большей части немолодые.

– И как вы это объясняете?

– Я всего лишь пересказываю слова Алека. Есть и мужчины-меревиги, но они встречаются редко – причину я уже указал. Думаю, на сотню меревигов приходится один мужского пола.

– Я поражен.

– Я тоже был поражен, когда узнал это от Алека. А теперь послушайте еще. Каждое утро в четыре часа, а вернее за несколько минут до звона часов, у статуи королевы Анны перед собором Святого Павла собираются души всех английских девиц, которые в последние двадцать четыре часа умерли с пустой головой; иногда среди них встретишь души одного-двух хлыщей. При первом ударе колокола весь этот рой устремляется по Оксфорд-стрит на Холборн-Хилл, куда именно – не знаю. Алек рассказывал, что больше всего они похожи на армию крыс в сточной трубе.

– Но что может знать индус о подземном мире Лондона?

– Алек знает, потому что подружился со своим соседом по дому, который служит при коллекторе.

– И вам неизвестно, куда направляется этот стремительный легион?

– Точно не знаю, потому что Алек не был уверен. Но он говорил, что их цель – большая гардеробная, где хранятся невостребованные женские тела. Облекшись ими, души смогут восполнить прошлые упущения, приобрести знания, из которых составятся крылья. Конечно, за тела происходит борьба, ведь претенденток бывает полдюжины и больше. Сначала им выдавали бесхозные оболочки старых дев, но запаса решительно не хватало, и в дело пошли замужние женщины и вдовы. Без ропота, разумеется, не утряслось, но не до жиру – быть бы живу. Так они становятся меревигами. Вешалки ломаются от оболочек старых холостяков, но девицы наотрез от них отказываются. Теперь вам понятно, что это за меревиги и почему их видимо-невидимо в читальном зале Британского музея. Они набираются знаний так стремительно, как только могут.

– Это в высшей степени интересно, – признал я, – и ново.

- Я ожидал от вас таких слов. Как идет просушка?
- Пока вы говорили, я обдирал с себя кусок за куском.
- Надеюсь, вам было интересно.
- Интересно – не то слово.

– Рад, что вы так думаете, – сказал майор. – Во время разговора с Алеком меня настолько переполняло любопытство, что я предложил ему пойти вместе в читальный зал, где он, благодаря своему дару распознавать духов, укажет мне присутствующих там меревигов. Но Алек напомнил мне о лотке и пожаловался вдобавок, что время идет, а его торговля стоит. На это я вызвался купить у него полдюжины ножных браслетов, чтобы дарить знакомым дамам; полученные из рук путешественника по Востоку, они сойдут за подлинные...

– Не менее ваших приключений, – вставил я.

– Что вы этим хотите сказать? – осведомился он резко.

– Всего лишь то, – объяснил я, – что нынешние женщины любят все подвергать сомнению.

– Это верно. Недоверчивый народ, и чем дальше, тем хуже. Что касается лотка, я разрешил и эту трудность, предложив Алеку сдать его на хранение одному из служащих музея. Он не возражал. Пройдя вращающуюся дверь, мы оставили лоток у служителя, который присматривает за зонтиками и тросточками. Вместе с индусом я поспешил в читальный зал, но возникло еще одно препятствие. У Алека не было читательского билета, и путь за стеклянную перегородку между дверью и столами был для него закрыт. Долго стоять у перегородки ему бы тоже не позволили, но с помощью небольшого аргумента я убедил служащего сделать послабление. «Сахиб, – предложил Алек, – лучше бы вам пометать меревигов, чтобы потом вы их узнали где угодно». «А как это сделать?» – спросил я. «У меня есть при себе мелок. Вы, сахиб, пройдете в зал и станете разгуливать между столиками, за стульями читателей, вдоль циркульных шкафчиков с каталогами и у шкафов с литературой. Когда окажетесь рядом с женщиной, сидящей или стоящей, посмотрите на меня, и если это будет меревиг, я махну вам вверх перегородки – мол, это она. Тогда вы мелком нарисуете у нее на спине W, или M, или другую букву, или значок. Потом, встретив меревига на улице, в компании, в закускойной, на железнодорожной платформе, вы безошибочно его узнаете. «Вот уж вряд ли, – возразил я. – Придя домой, она наверняка счистит отметку щеткой». – «Вы совсем не знаете меревигов. Когда души этих ветрениц проживали первую стадию существования, ничто не заботило их так, как внешний вид: аккуратная, модная одежда, пышные прически. Но теперь все иначе. Им так противны бесхозные тела, полученные в гардеробной – обычно некрасивые, немолодые, без намека на талию, вернее, с расплывшейся, без намека на изящество, талией, – что куда уж думать о том, хороша ли и опрятна ли одежда. Кроме того, они полностью поглощены учением, их главное желание – как можно скорее выбраться из этих заимствованных оболочек. А потому, если они хоть как-то одеты и хоть немного причесаны, то сверх того ничего и не требуется. Нитка, пушинка, меловая отметка на платье – они этого даже не заметят». Алек протянул мне мелок, какими пользуются портные во время примерки. И я во всеоружии ступил во внутреннее пространство обширного читального зала, оставив индуса за перегородкой.

Я медленно прошелся вдоль первой линии столов и стульев, сплошь занятых читателями. Там было полно мужчин, перед ними громоздились стопки книг. Было и несколько женщин. За спиной у первой я повернул голову к перегородке: Алек знака не подал. Когда дошло до второй, он наконец махнул, и я мимоходом пометил буквой M склоненную над книгами спину. К тому же мне хватило времени подсмотреть, чем женщина занята. Предметом ее интереса была эхолокация, начиная с баллады Шиллера «Нырляльщик» и до новейших научных исследований дна Атлантического и Тихого океанов и дноуглубительных работ в Северном море. Дама по уши ушла в работу, стремительно поглощая факт за фактом. Я дал

бы ей лет сорок; цвет лица у нее был нездоровый, нос бесформенный, ручки громадные. Серое платье плохо сидело, обувь выглядела еще хуже. Небрежно расчесанные волосы были собраны в пучок, из которого торчали шпильки. Эту спину я миновал, следующие места были заняты джентльменами, так что я перешел к другому ряду столов и, обернувшись, увидел поднятую руку Алека. Передо мной сидела молодая леди в фетровой шляпе с примятым верхом и торчавшим сбоку пером. Жакет ее походил на тужурку с большими пуговицами из дымчатого перламутра, под ним виднелось тускло-зеленое, слишком короткое платье, на ногах коричневые ботинки. Волосы были стрижены коротко, как у мужчины. Когда я остановился, женщина обернулась. Холодные карие глаза, похожие на камешки, смотрели отчужденно и недоброжелательно. Не знаю, на счет чего это отнести: заемного тела или вселившейся в него души; инструмента или психической силы, этим инструментом управлявшей. Я просто констатирую факт. Я заглянул женщине через плечо, чтобы узнать род ее занятий: она усердно штудировала Герберта Спенсера. Пометив ее спину буквой W, я двинулся дальше. Следующий меревиг у меня на пути оказался высохшей престарелой леди с седыми буклями, в одежде старомодной и сильно поношенной. На пальцах виднелись чернильные пятна, не только свежие, но и застарелые. Лицо тоже было в чернилах: очевидно, женщина почесала испачканным пальцем нос. Она изучала сведения о пэрах. Перед ней лежали Дод, Берк и Фостер, и из них она извлекала аутентичные родословные наших благородных фамилий и их побочных ветвей. У нее, да и у других меревигов, я заметил характерную черту: заглотнув известное количество информации, они вскидывали голову, как птицы после питья.

Далее мне попалась очень тощая дама, возраст которой я не смог определить. Остроносенькая, одетая в красное, она походила на палочку сургуча. Платье, в свое время, вероятно, вполне добротное и нарядное, было прорвано сзади и зашито, сквозь прореху виднелась другая ткань. Оборку, или рюш, вокруг шеи не меняли, наверное, недели три. Я изобразил мелком у нее на спине вопросительный знак. Очень хотелось выяснить, что она изучает, но не удалось. Она обернулась и недовольно спросила, с какой стати я дышу ей в затылок. Пришлось двинуться дальше. Следующей была леди в очках, одетая вполне прилично, но в самые скучные цвета. Подозреваю, на ней была юбка-брюки, но не уверен, поскольку она не вставала. Я никогда не утверждаю ничего, в чем не уверен абсолютно. Свое внимание она посвятила земельному законодательству в различных странах мира – вопросам общинных земель и частной собственности на землю; в данную минуту ее особенно занимали русский «мир» и общинное землевладение. Начертив на ее спине зодиакальный знак Венеры – Деву, я пошел дальше. Когда число помеченных достигло семнадцати, мне это надоело. Я дошел уже до L, начав с конца алфавита, и решил, что пора поставить точку. Я вернулся к Алеку, заплатил за браслеты, и мы расстались. Но прежде я дал ему письмо к секретарю Общества психических исследований, адрес которого выяснил в читальном зале Британского музея по лондонскому адресному справочнику. Через два дня мы, как было условлено, снова встретились с моим индийским приятелем, и эта встреча была последней. Как Алек и опасался, в Обществе его не приняли, и он подумывал при первой же возможности возвратиться в Индию.

Любопытно, что через несколько дней я увидел в метро одну из помеченных дам. Надпись мелом была по-прежнему вполне различима. Дама ехала в другом купе, но я заметил ее, когда она выходила на станции Бейкер-стрит. Подозреваю, что она направлялась на выставку восковых фигур мадам Тюссо, дабы там обогатить свой ум. Неделю спустя, когда я был в Сент-Олбансе, мне повезло больше. Я навещал там своего дядю, с которым связывал некоторые надежды на будущее. В городе была назначена лекция про спектроскоп, а поскольку мои знания об этом замечательном новейшем изобретении были ограничены, я решил пойти. Доводилось ли вам, друг мой, интересоваться фотосферой Солнца?

– Никогда.

– В таком случае позвольте мне вас просветить. Правильно усвоенные, эти сведения дадут обильный материал для крыльев. Факт поражает до глубины души: находясь на громадном расстоянии от солнечной орбиты, мы способны различить раскаленные металлы, входящие в состав светящейся оболочки Солнца. Мало этого, по полосам спектра можно узнать состав Юпитера, Сатурна и прочих планет. Как далеко шагнула астрономия со времен Ньютона!

– Не сомневаюсь. Но мне бы хотелось услышать не о полосах спектра, а о меловых пометках на меревигах.

– Да, в ряду передо мной сидели две дамы в летах, а на их спинах виднелись мои значки, такие четкие, словно бы я нарисовал их вчера. Поговорить с дамами не удалось, так как, не будучи представлен, я не мог к ним обратиться. Но через неделю или две мне выпала удача. Хартфордским археологическим обществом был организован симпозиум длительностью в неделю, с экскурсиями по веруламским древностям и прочим достопримечательностям графства. Хартфордшир – графство небольшое. Собственно, из самых маленьких в Англии, но что посмотреть там найдется, не говоря уже об освященной веками монастырской церкви, над которой так жутко надругались невежественные псевдореставраторы. Остается надеяться, что следующее поколение, более грамотное, нежели наше, устранил последствия преступного вмешательства, искажившего облик постройки. Местные администраторы позаботились о транспорте – шарабанах и колясках, – и специалисты по древностям (истинные или мнимые) взялись служить экскурсоводами. Были запланированы три вечерних собрания с чтением докладов. Как понимаете, это была бесценная возможность пополнить свой умственный багаж, и я, зная то, что знаю, не мог ею не воспользоваться. Я записался на все экскурсии. В первый день нас водили по старинному римскому Веруламию, показывали его план и стены, а также место, где британский первомученик переправился через реку, и холм, где он принял кончину. Ничего интересней и познавательней я себе просто не представляю. Среди экскурсантов были три немолодые особы дамского пола, все с меловыми отметинами на спине. Один знак был отчасти стерт, словно хозяйка платья попыталась отчистить его щеткой, но, прискучив, не довела дело до конца. У двух других знаки оставались четкими.

В первый же день я стал подбираться к этим меревигам, но не сумел втереться к ним в доверие настолько, чтобы затеять беседу. Вы же понимаете, друг мой: грех было бы не выведать у меревигов что-то из их опыта. Второй день оказался более удачным. Я ухитрился занять место в коляске между двумя из них. Поездка ожидалась длительная – к церкви, весьма интересной как памятник архитектуры.

У любителей древностей возникает в поездке некая общность; чтобы затеять разговор, не требуется быть представленными друг другу по всей форме. К примеру, вы можете спросить соседку: «Я вас не стесняю?», и вот лед тронулся. Тем не менее сперва я ничего у соседок не выпытывал, а подождал окончания роскошного обеда с шампанским – этим щедрым угощением Общество было обязано состоятельному джентльмену, к дому которого мы подъехали как раз к часу дня. Шампанское лилось рекой, и я не стал себя ограничивать. Нужно было набраться куража, перед тем как заговорить с попутчицами на тему, остро меня занимавшую. И вот по завершении обеда, когда мы, разгоряченные, вернулись в коляску, я обратился к соседке справа: «Боюсь, мисс, до ангельской стадии вам еще расти и расти?» Ничего не ответив, она резко отвернулась. Несколько смущенный, я спросил соседку слева, тоже помеченную мелом: «У вас в голове одна археология или там осталось место для чего-то еще?» Вместо того, чтобы на мой любезный вопрос дать столь же любезный ответ, она, сделав вид, что меня не существует, затеяла оживленный обмен мнениями с соседкой напротив. Я не заслуживал такого обращения. Мне хотелось удовлетворить свое любопытство. С другой стороны, я мог понять обеих дам. Меревиги не любят рассуждать о прежней стадии своего существования, которой стыдятся, а равно и о своих трудах на переходной стадии,

когда они набираются знаний, чтобы наконец избавиться от заимствованных тел и обрести крылья, которые вознесут их к более совершенному состоянию.

Мы выбрались из коляски, чтобы осмотреть примечательные надгробия приблизительно в миле от дороги; идти предстояло по раскисшим, истоптаным тропам. Передвигаться пешком никому не хотелось, однако ближе было не подъехать. Пошли одни энтузиасты, и я в их числе. Дополнительным стимулом послужило мне то, что третья из меревигов – та, что частично отчистила мел, – подобрала юбки и зашагала вперед. Я поспешил следом и догнал ее. «Прошу прощения, – сказал я. – Вы должны извинить мой интерес к древностям, но я предполагаю, с тех пор, когда вы были девицей, прошла уже целая вечность?» Смысл сказанного был очевиден: я ссылаясь на ее прежнее существование, отнюдь не в нынешнем заимствованном теле. Однако же она застыла на месте, окинула меня испепеляющим взглядом и, отступив назад, присоединилась к основной группе пешеходов. Ха, друг мой, а лодка-то, похоже, всплывает! Начался прилив.

– Начался, – кивнул я и потом добавил: – В самом деле, майор Донелли, эта история должна стать известной не только узкому кругу ваших близких друзей.

– Верно, – согласился он. – Я хотел предать ее огласке, но меня остановило то, как принял, а скорее, отверг Алека секретарь Общества психических исследований.

– Но я не предлагаю, чтобы вы рассказали ее Обществу психических исследований.

– Кому же тогда?

– Да своей бабушке!

Роза Малхолланд Одержимая органистка из Херли-Берли

Перевод Веры Полищук

Над деревушкой Херли-Берли пронеслась гроза. Каждая дверь была заперта, каждая собака спряталась в свою конуру, а каждая сточная канава и колея после прошедшего потопа обратилась в бурливую реку. В миле от деревни, у большого господского дома, перекликались грачи, спеша поведать друг другу, какого страха они натерпелись; молодые олени в парке робко высовывали головы из-за деревьев; старуха, обитавшая в сторожке, поднялась с колен и теперь ставила молитвенник обратно на полку; розы в полном июльском расцвете клонили к земле пышные короны, отяжелевшие от влаги, в то время как другие, сраженные дождем, лежали, румяным венчиком вниз, на садовой тропинке, где Бесс, горничная мистрис Херли, подберет их поутру, когда, как заведено в доме, отправится собирать розовые лепестки, дабы составить из них ароматическое саше для хозяйских покоев. Ряды белых лилий, только сегодня успевших раскрыться во всей красе под лучами солнца, валялись в слякотной грязи. Слезы катились по янтарным щечкам слив, что росли на южной стене. Ни одна пчела не показывалась из ульев, хотя воздух был так благоуханен, что выманил бы наружу и ленивейшего из трутней. Небо за купами дубов на взгорье все еще хмурилось, но уже запорхали птицы вокруг плюща, оплетавшего дом Херли из Херли-Берли.

Гроза, о которой идет речь, разразилась более полувека назад, и потому мы должны помнить, что мистрис Херли, которая теперь, когда стихли громы и молнии, отважилась выбраться из-за кресла своего супруга, была наряжена по моде того времени. Бросая пугливые взоры в сторону окна, она уселась за стол перед супругом, бульоткой для кипятка и пончиками. Нам легко вообразить ее чепец тонкого кружева с персиковыми лентами, оборку на подоле ее батистового платья, почти доходящего до щиколоток, чулки с вышивкой «часами», розетки на ее туфлях, но куда сложнее представить себе сиреневый перелив ее кротких глаз, атласную кожу, еще сохранившую нежную свежесть, хотя и тронутую морщинками, и бледные, милые, надутые губки, которым время и печаль придали нечто ангельское, но так и не сумели разрушить их красоту. Сам сквайр обликом был столь же суров, сколь нежна его жена: ее кожа была бела, его – загорела и обветрена, ее волосы лежали гладко, его – топорщились седой щетиной; годы пропахали на его лице глубокие борозды; сквайр, человек холерического склада, обычно вел себя шумно и бесцеремонно, однако с недавних пор глаза его потускнели, громкий голос стал глуше, а походка утратила бодрость. Он часто взглядывал на жену, а она на него. Она была невысока ростом, а он лишь на голову выше. Невзирая на различия, они были ладной парой. Жена двигалась резко и нервно, но говорила нежным голосом и смотрела кроткими глазами; речи и взгляд мужа казались грубоватыми, но в повороте головы сквозило благородство. Теперь они подходили друг другу не в пример лучше, чем когда-либо в прошлом, в расцвете юной страсти. Печаль сблизила супругов и придавала им известное сходство. В последние годы жена только и делала, что восклицала: «Хватит тиранить моего сына», а муж твердил: «Ты ему слишком потакаешь, избалуешь вконец». Но теперь не стало божка, на которого прежде были обращены их взоры, и супруги отныне лучше видели друг друга.

Комната, где они сидели, представляла собой уютную старомодную гостиную, с тонконогими, как пауки, предметами обстановки. На сообразных местах располагались спинет и гитара, а подле них были в изобилии сложены переписанные ноты; пол устлан ковром с темно-коричневыми венками на бледно-голубом фоне; голубые стены с желобчатой, как

внутренность ракушки, штукатуркой, мебель в потускневшей позолоте. В оконной нише красовалась внушительная ваза, полная роз, сквозь открытое окно из сада веяли восхитительные ароматы, и птицы щебетали совсем близко, устраиваясь на ночлег в пышном плюще, а порой слышалась торопливая скороговорка дождевых капель, которые сеялись на землю, когда мокрую ветвь теребил ветер. Бульотка для кипятка на столе была серебряная, старинной работы, а чайная посуда – тонкого фарфора. Ничто в гостиной не было предназначено нежить тело, но все утонченно услаждало глаз.

Над Херли-Берли воцарилась тишина, которую нарушали одни лишь грачи. В продолжение целого месяца всякая живая тварь томилась от жары, теперь же, в согласии с Природой, мирно и молчаливо впивала благодать освеженного грозою воздуха. Хозяин и хозяйка Херли-Берли разделяли настроение, в которое погрузилась округа, и за чаем были неразговорчивы.

– Верить ли, – заговорила наконец мистрис Херли, – когда я услышала первый раскат грома, то подумала, что это... это...

Она осеклась, губы ее задрожали, и персиковые ленты кружевного чепца взволнованно заколыхались.

– Тьфу! – воскликнул старый сквайр, и чашка его задребезжала о блюде. – Обо всем этом давно пора позабыть. Уже три месяца, как ничего не слышать.

В этот самый миг до слуха супругов донесся грохот. Хозяйка дома, дрожа, вскочила и стиснула руки, а тем временем струйка воды из бульотки затопила чайный поднос.

– Чепуха, моя дорогая, – произнес сквайр, – это всего лишь стук колес. Кто бы мог приехать?

– В самом деле, кто? – пробормотала его супруга и уселась обратно, вся трепеща от волнения.

На пороге возникла та самая собирательница розовых лепестков, хорошенькая Бесс, в вихре голубых ленточек.

– Мадам, прибыла дама, говорит, что ее ожидают. Попросила показать отведенные ей покои, и я устроила ее в комнате, которую приготовили для мисс Калдервуд. Она кланяется вам, мадам, и обещает спуститься через минуту-другую.

Сквайр воззрился на супругу, а она на него.

– Тут какая-то ошибка, – пробормотала хозяйка дома. – Должно быть, гостья ехала к Калдервудам или Грейнджам. Какое необычайное происшествие.

Не успела она договорить, как дверь вновь отворилась и в гостиную вошла незнакомка – хрупкое создание, барышня или дама, сказать было затруднительно, но облаченная в скромное платье черного шелка и в белой муслиновой пелерине на узких плечиках. Волосы гостьи были зачесаны высоко на макушку, и лишь на низкий лоб свисала челка, не доставшая до бровей. Смуглое худощавое лицо, глаза черные, удлиненные, обведены темными кругами, губы полные, нежные, но печально опущенные; нос и подбородок ничем не выделялись. Вся она была: голова, глаза и губы.

Гостья скорым шагом пересекла комнату, сделала реверанс посреди гостиной и, приблизившись к столу, с мягким итальянским выговором объявила:

– Сэр, мадам, я прибыла. Я явилась играть на вашем органе.

– На нашем органе? – Мистрис Херли так и ахнула.

– На нашем органе? – Сквайр оторопел.

– Да, на органе, – повторила крошечная незнакомка и перебрала пальчиками по спинке стула, как если бы нащупывала клавиши. – Не далее как на прошлой неделе прекрасный собой синьор, ваш сын, переступил порог моего домика, где я жила и давала уроки музыки с тех пор, как скончались мой англичанин-батюшка и итальянка-матушка и мои братья и сестры, оставив меня совсем одну.

Тут гостья прекратила барабанить по спинке стула и по-детски, обеими руками, утерла с ресниц две крупных слезы. Но в следующее мгновение пальцы снова забегали по стулу, словно гостья могла говорить лишь при условии, что они выбивают свою неустанную дробь.

– Благородный синьор, ваш сын, – продолжала маленькая гостья, доверчиво взглядывая то на хозяина, то на хозяйку и ярко заалевшись всем своим смуглым личиком, – часто навещал меня, неизменно по вечерам, когда мой скромный кабинет заливало золотыми лучами вечернее солнце и музыка переполняла мое сердце, и я вкладывала в игру всю свою душу. Вот тогда-то он обыкновенно и приходил и говорил мне: «Поторопись, малютка Лиза, играй лучше, как можно лучше. У меня для тебя в скором времени будет много работы». Иногда он восклицал «Brava!»², а иногда «Eccellentissima!»³, но как-то вечером на прошлой неделе он пришел ко мне и сказал: «Довольно. Обещаешься ли ты исполнить мою просьбу, какова бы она ни была?»

Гостья потупила черные глаза и продолжала:

– И тогда я сказала: «Да», а он сказал: «Отныне ты моя нареченная», и я сказала: «Да», и он велел: «Собери же свои ноты, малютка Лиза, и поезжай в Англию к моим родителям-англичанам. У них в доме есть орган, на котором надо играть. Если они откажут тебе, скажи, что ты моя посланница, и тогда они согласятся. Ты должна играть весь день и подниматься в ночи и играть всю ночь. Ты должна играть без отдыха, не ведая устали. Ты моя нареченная, и ты поклялась исполнить для меня это поручение». И я спросила: «Синьор, увижу ли я вас там, в Англии?» И он ответил: «Да, ты увидишь меня». Тогда я сказала: «Я сдержу свою клятву, синьор». И вот, сэр, мадам, я прибыла.

Чужеземный мягкий говор умолк, пальцы замерли на спинке стула, и маленькая незнакомка смущенно подняла глаза на слушателей, а те сидели бледные от волнения.

– Вас обманули. Вы совершили ошибку, – сказали оба в один голос.

– Наш сын... – начала мистрис Херли, но губы ее дернулись, голос надломился, и она жалобно взглянула на супруга.

– Наш сын, – отвечал сквайр, с трудом подавляя дрожь в голосе, – наш сын давно мертв.

– О нет, о нет, – возразила маленькая иностранка. – Если вы полагали, будто он умер, возрадуйтесь, дорогие хозяева. Он жив; он цел и невредим, он в добром здравии и хорош собой. Не далее как один, два, три, четыре, пять (она отсчитала на пальцах) дней тому назад он стоял передо мной.

– Тут какая-то поразительная ошибка, какое-то невысказанное совпадение! – воскликнули хозяин и хозяйка Херли-Берли.

– Отведем ее в галерею, – прошелестела мать сына, который оказался и живым, и мертвым. – Еще довольно света, чтобы посмотреть на картины. Она не узнает его по портрету.

В смятении муж с женой повели странную гостью в длинный сумрачный покой в западном крыле дома, где последние отблески света, все еще лившиеся с тускнеющего неба, слабо озаряли фамильные портреты.

– Вне всякого сомнения, с виду он примерно таков, – провозгласил сквайр, указывая на портрет белокурого молодого мужчины с кротким лицом, своего брата, пропавшего в морском плавании.

Однако Лиза покачала головой и на цыпочках беззвучно двинулась от полотна к полотну, взглядываясь в изображения и каждый раз беспокойно отворачиваясь. Но наконец слабый вскрик восторга огласил темную галерею.

– Ах, вот же он! Взгляните, вот он, благородный синьор, прекрасный синьор, хотя здесь он написан вполноту не таким прекрасным, каким был пять дней тому назад, когда бесе-

---

² Молодец! (*um.*).

³ Превосходно! (*um.*).

довал с бедной малюткой Лизой! Дорогие сэры и мадам, теперь вы удовлетворены, так отвезите же меня к вашему органу, чтобы я немедленно приступила к исполнению клятвы, данной вашему сыну.

Хозяйка Херли-Берли со всей силы вцепилась в руку мужа.

– Сколько вам лет, милая? – слабым голосом спросила она.

– Восемнадцать, – нетерпеливо отвечала гостья, а сама уже спешила прочь из галереи.

– А мой сын мертв вот уже двадцать лет! – воскликнула несчастная мать и в обмороке поникла на грудь супруга.

Очнувшись, она приказала:

– Немедля закладывайте карету. Я отвезу нашу гостью к Маргарет Калдервуд, а та поведаст ей всю историю. Маргарет заставит ее одуматься. Нет, не будем откладывать до завтра, я не смогу дождаться завтрашнего дня, слишком долго ждать. Мы должны ехать сейчас же.

Юная синьора решила, что старая хозяйка сошла с ума, но покорно закуталась в плащ и уселась рядом с хозяйкой Херли-Берли в фамильную карету Херли. Лик луны, заглянувшей в окно кареты, которая катила вперед да вперед, вряд ли был бледнее лица супруги сквайра, чьи померкшие глаза не отрывались от лунного диска, исполненные тревоги и тоски столь сильных, что не оставалось места ни для слез, ни для слов. Синьора Лиза в своем уголке кареты тоже не сводила глаз с луны, но ее черный взор сиял страстными мечтами.

Когда возница остановил карету Херли подле владения Калдервудов, от их крыльца как раз отъехала другая карета. То возвратилась домой со званого ужина Маргарет Калдервуд. Великолепная, пышно наряженная, стояла она на пороге, величественная дама в коричневом бархате, и бриллианты на ее груди сверкали в лунном свете, обливавшем весь дом от крыши до фундамента. Мистрис Херли со стоном пала в ее распростертые объятия, и хозяйка увлекла стареющую подругу внутрь дома в своих сильных руках, словно вела малое дитя. Малютка Лиза, всеми позабытая, уселась на крыльце и мечтательно любовалась луной, выстукивая воображаемые сонаты по порогу.

Сумрачная, едва озаренная лунными лучами комната, куда увлекла свою подругу Маргарет Калдервуд, огласилась рыданиями и всхлипами. После долгой беседы Маргарет устроила скорбящую подругу в тихом уголке, а сама вышла поглядеть на маленькую смуглянку-чужеземку, которая незваной и нежеланной гостьей явилась из-за морей с диковинной и безумной весточкой от покойного.

Маленькая гостья последовала за высокой хозяйкой вверх по парадной лестнице прекрасного особняка Калдервудов в просторный покой, где горела лампа, освещающая роскошную обстановку дома, отделанного куда богаче и дороже, чем Херли-Берли – что заметила бы Лиза, пожелай она оглядеться. Сам же покой, куда ввели гостью, красноречиво свидетельствовал, что здесь располагается святилище дамы, которая в своей жизни наибольшее значение придает уму и вкусу. Однако синьора Лиза не заметила ничего, кроме кусочка сухого печенья, лежавшего на блюде.

– Можно мне кусочек? – с жаром попросила она. – Я так давно не ела. Я проголодалась.

Маргарет Калдервуд окинула юную гостью матерински печальным взором, отвела челку со лба маленькой синьоры и поцеловала ее. Лиза, воззрившись на нее в изумлении, ответила на ласку пылким поцелуем. Ее привели в восторг прекрасные белые плечи хозяйки, и ее лик Мадонны, и белокурые косы. Но, когда подали кушанья, синьора Лиза накинулась на угощение.

– О, как вкусно! Дома я в жизни такого не пробовала, – поблагодарила девушка.

А Маргарет Калдервуд тихонько пробормотала самой себе: «По крайности, телесно она здорова».

– А теперь, Лиза, – предложила хозяйка, – поди сюда и поведай мне всю эту историю о родовитом синьоре, который отправил тебя в Англию сыграть на органе.

Лиза мягкими шажками встала за стул, и глаза ее снова принялись блуждать, а пальчики постукивать, и она слово в слово повторила свой рассказ, как излагала его в Херли-Берли.

Когда она умолкла, Маргарет Калдервуд со встревоженным видом принялась мерить шагами комнату. Лиза следила за ней как завороченная, и, когда хозяйка объявила: «Сейчас я поведаю историю, которая имеет к тебе самое прямое отношение», гостя послушно сложила свои неутомимые руки и приготовилась слушать.

– Итак, Лиза, двадцать лет тому назад у мистера и миссис Херли был сын. Красавец собой, точно как на портрете в галерее, и с рождения наделен блестящими талантами. Отец с матерью его боготворили, и все знакомые не могли не любить. В те времена я была счастливой барышней двадцати лет. Я осталась сиротой, и миссис Херли, подруга моей матушки, заменила мне родную мать. Я была окружена дружеской любовью и заботой, и к тому же очень богата; но сама я ценила поклонение и богатства – а на мою долю и того и другого выпало весьма щедро, – ровно в той степени, в которой они чего-то стоили в глазах Льюиса Херли. Мы с ним обручились, и я любила его всем сердцем.

Однако, как ни ласкали его друзья и возлюбленная, как ни гордились им родители, это не уберегло Льюиса от зла, и он пошел по дурной дорожке и все более и более погрязал в пороках, пока даже те, кто любил его более остальных, не отчаялись дожидаться, что он одумается и раскается. Вся в слезах, я, пока еще не поздно, возносила горячие молитвы за спасение его души, если не ради его несчастной матери, то ради себя. Каков же был мой ужас, когда я обнаружила, что более не властна над Льюисом и слова мои более его не трогают; он разлюбил меня. Я твердила себе, что на него нашло помрачение рассудка, которое рано или поздно минует, и продолжала надеяться. Наконец мать Льюиса воспретила мне видеться с ним.

После этих слов Маргарет Калдервуд на некоторое время умолкла и погрузилась в горестные размышления, но затем продолжила свой рассказ:

– Льюис и шайка его приятелей провозгласили себя «Клубом дьявола» и завели дурной обычай учинять в округе всевозможные скверные каверзы и проказы. Они устраивали полночные пляски на кладбищенских могилах; похищали беспомощных стариков и детей и мучили их, притворяясь, будто хоронят своих жертв заживо; они выкапывали покойников из могил и рассаживали на оскверненных надгробиях, будто бы для шутливой пирушки. Как-то раз на деревенское кладбище пришла весьма печальная погребальная процессия. Покойного внесли в церковь и читали над ним панихиду. Больше всех скорбел престарелый отец умершего: он рыдал, стоя у гроба. В самый разгар траурной церемонии церковный орган вдруг бойко заиграл кощунственную мелодию и раздался пронзительный хор пьяных голосов. У толпы прихожан вырвался возмущенный стон, священник побледнел и захлопнул молитвенник, а старик-отец покойного поднялся на ступени алтаря и, воздев дрожащие руки, выкрикнул страшное проклятие: «Да будет проклят Льюис Херли на веки вечные, и будь проклят орган, на котором он играл, и онеметь этому органу навсегда, если только не коснутся клавиш осквернившие его руки! И пусть играют они и играют, пока не обессилеют и не окостенеют в смертной истоме!» Проклятие возымело действие, ибо с того самого дня церковный орган онемел и стоял в молчании, если только на нем не играл Льюис Херли.

Из чистой бравады он велел, чтобы орган перевезли из церкви в дом его отца и поставили в том покое, где орган стоит и поныне. Из той же бравады Льюис играл на нем ежедневно. Но с каждым разом он проводил за органом все больше и больше времени, пока не стал просиживать по целым дням. Мы долго дивились этой прихоти, ибо ничем другим не могли объяснить поведение Льюиса, и бедная мать благодарила Господа, что тот обратил сердце грешника к занятию, уберегавшему его от пороков. Я первой заподозрила, что Льюис не по своей воле долгими часами до изнеможения молотит по клавишам органа, в то время как приятели, соучастники былых буйств, всеми силами стараются отвлечь его.

Обыкновенно Льюис запирался в покое, где стоял орган, на ключ, но однажды я спряталась там за занавесями и увидела, как он в муках извивается на сиденье, и услышала, как стонет он, пытаюсь оторвать руки от клавиш, а их упорно притягивает обратно, точно иглу к магниту. Вскоре стало яснее ясного, что Льюис прикован к органу, словно невольник на цепи; но что удерживало его в заточении, безумие или же сверхъестественная сила, вызванная проклятием оскорбленного старца, – того мы не ведали. Настало время, когда органные раскаты будили нас уже и по ночам, прерывая наш сон. Теперь Льюис изнемогал за органом денно и ночью, не ведая сна и покоя, не заботясь об утолении голода. Лицо его осунулось и обросло длинной бородой, глаза вылезали из орбит, он исхудал, а пальцы его скрючились, точно птичьи когти. Когда Льюис склонялся над орудием своей пытки, из груди несчастного вырывались жалобные стоны. Никто, кроме меня и его матери, не осмеливался приближаться к нему. Она, несчастная, хрупкая женщина, напрасно пыталась вложить какую-нибудь пищу или влить вина в его губы, пока истертые пальцы продолжали свою пляску по клавишам; но он лишь скрежетал зубами в ответ и извергал брань, и мать в ужасе отступалась от сына и удалялась молиться. Но вот наступил последний страшный час, и мы нашли рядом с органом на полу лишь скорченный труп.

С того самого часа орган умолк навсегда и не отзывался ни на одно прикосновение. Многие не желали верить этой истории и упорно пытались извлечь из органа звуки, но тщетно. Однако же, когда зал опустел и стоял запертый, всеми заброшенный, мы слышали, как оттуда, проникая сквозь стены, громче прежнего доносятся хорошо знакомые нам могучие раскаты органа. День и ночь гремел орган, как и раньше. Казалось, проклятие, павшее на голову грешника, все еще не утратило своей силы, хотя его измученное тело иссохло в непомерных стараниях избыть свою участь. Теперь даже мать умершего боялась приближаться к той комнате. Шли годы, а проклятие вечно звучащей музыки так и владело домом. Слуги отказывались в нем оставаться, посетители обходили его стороной. Сквайр и его супруга уехали прочь на долгие годы, но затем возвратились; вновь уехали и вновь возвратились, однако обнаружили, что чудовищные звуки не умолкают ни на минуту, терзая их слух и сердце. Наконец, несколько месяцев тому назад, удалось отыскать некоего праведника, который на много дней заперся в проклятом покое, и молился там, и сражался с нечистой силой. Когда же он вышел и удалился, нестерпимые звуки смолкли, и более органа никто не слышал. С тех пор в доме наступил покой. И вот теперь, Лиза, твое странное появление и твои речи заставляют нас подумать, что ты пала жертвой нечистого и запуталась в его сетях. Одумайся и укройся под защитой Господа, и тогда ты убережешься от сил зла, которые овладевают тобой все сильнее. Послушайся...

Маргарет Калдервуд повернулась к углу, где, как она полагала, сидела и внимала ее истории гостя. Маленькая синьорина глубоко спала, раскинув на коленях руки, словно и во сне перебирала клавиши органа.

Маргарет по-матерински прижала смуглое нежное личико к своей груди и поцеловала вспухшие жилки на висках, дивясь и тревожась.

«Мы спасем тебя от страшной участи!» – прошептала она и отнесла девушку в постель.

Поутру Лиза исчезла. Маргарет Калдервуд поднялась спозаранку и обнаружила, что комната гостя пуста.

«Она такая дикарка, – подумала хозяйка, – с нее станется вскочить ни свет ни заря и отправиться слушать жаворонков!» И она пустилась на поиски юной синьорины. Маргарет искала ее по лугам, по окрестному парку, заглядывала за живые изгороди... Мистрис Херли выглянула в окно малой столовой, где сидела за завтраком, и увидела, как Маргарет, статная и прекрасная, в белом утреннем пеньюаре, унизанном каплями росы, шествует по садовой

аллее меж розовых кустов, а на ее обычно спокойном лице темнеет тень тревоги. Поиски были напрасны. Чужеземная гостья пропала без следа.

После завтрака предприняли новую попытку отыскать беглянку, но тщетно, так что к вечеру обе дамы вернулись в Херли-Берли, а там их встретили переполох и всеобщая паника. Сам хозяин дома заперся у себя в кабинете и заткнул уши. Бледные от страха слуги жаллись и перешептывались по углам. А одержимый демоном орган гремел и ярился, как встарь, и раскаты его разносились по всему дому.

Маргарет Калдервуд поспешила в проклятый покой и, конечно же, нашла там Лизу. Гостья сидела на высоком стуле перед органом и, раскачиваясь всей своей хрупкой фигуркой, колотила по клавишам, а вечернее солнце золотило ее безумную голову. О, что за сладкие неземные звуки извлекала девушка из стенающего сердца органа – бурные мелодии, которые то взлетали в восторженную высоту, то падали в траурные глубины. Она переходила от Мендельсона к Моцарту, от Моцарта к Бетховену. Вначале Маргарет застыла, околдованная завораживающей красотой музыки, но вскоре пришла в чувство, обхватила музыкантшу и силой повлекла прочь из органной комнаты. Однако Лиза на следующий же день возвратилась туда, и на сей раз увести ее с поста было куда труднее. День за днем она просиживала за органом и все больше бледнела и худела, и все отчужденнее и страннее делалось ее лицо.

– Я так стараюсь, – говорила маленькая синьорина, обращаясь к миссис Херли. – Синьор, доволен ли мной ваш сын? Попросите его, пусть явится самолично и скажет мне, доволен ли он.

Мистрис Херли расхворалась и слегла в постель. Сквайр бранился на незваную гостью, заморскую обузу, и спешно куда-то уехал. Маргарет Калдервуд была единственной свидетельницей той участи, которая постигла маленькую органистку. Проклятие органа пало на Лизу; орган пел под ее пальцами, и руки ее были ему послушны.

Наконец Лиза взволнованно сообщила, что ей было явление отважного синьора, который хвалил ее за труды, но понуждал стараться еще сильнее. После этого Лиза прекратила всякие сношения с живыми. Снова и снова Маргарет Калдервуд, обвинив хрупкое тельце, уносила Лизу прочь из проклятой комнаты и замыкала дверь на ключ. Но сколько бы она ни запирала органную и ни прятала ключ, все ее усилия были напрасны. На другой день дверь снова оказывалась отперта и Лиза трудилась на своем посту.

Однажды ночью, пробудившись от знакомых стонов и раскатов органа, Маргарет торопливо оделась и поспешила в проклятую комнату. Лунный свет проникал в коридоры и на лестницы Херли-Берли, и лучи его падали на мраморный бюст покойного Льюиса Херли, стоявший в нише над дверью в гостиную его матушки. Органная комната была залита лунным сиянием, и когда Маргарет вошла в проклятую дверь, то увидела, что зеленоватые лучи луны мешаются с иным светом, тусклым и мертвенно-бледным, который словно бы окутывал некую мрачную тень возле органа, напоминавшую человеческую фигуру. Свет этот фантастическим контуром обрисовывал хрупкую фигурку Лизы, которая уже не раскачивалась туда-сюда, а корчилась, будто в агонии. Орган изрыгал беспорядочные, корявые звуки, точно пальцы органистки били по клавишам наугад. В промежутках между прерывистыми аккордами из груди Лизы вырывались надрывные стоны, и темная фигура с угрожающими жестами склонялась над девушкой. Вся дрожь от ужаса перед потусторонней силой, но несгибаемая в своем упорстве, Маргарет Калдервуд прокралась внутрь органной и окуталась в зловещее сияние, заполнявшее комнату. Поначалу оно словно вспыхнуло ярче и совсем было ослепило ее, едва не лишив рассудка, но она усилием воли совлела с собой, подняла глаза и увидела лицо Лизы, искаженное гримасой мучительного страдания, а совсем рядом – угрожающе склоненного над ней Льюиса Херли! Маргарет захлестнула волна ужаса, но и тут она не утратила самообладания. Обвинив сильными руками несчастную девушку, Маргарет поволокла ее прочь от лучей потустороннего света, которые тотчас стали гаснуть

и потухли. Маргарет отнесла девушку в свою постель, где Лиза и лежала в изнеможении, истощив все силы, горестно лепеча о жестоком безжалостном синьоре, который не желал видеть, что она старалась как могла. Бедные измученные ручки Лизы судорожно барабанили по одеялу, словно девушка все еще пыталась исполнить свое губительное обещание.

Маргарет Калдервуд обтерла мокрой тряпичей ее горящий лоб и положила свежие цветы ей на подушку. Она распахнула ставни и открыла окна, впустив в спальню свежий утренний воздух и солнечный свет, и, взглянув на светлевшее небо, которое сулило ясный погожий день, и на поля, покрытые росой, и на темную зелень дальних лесов, над которыми еще стелился сиреневый туман, Маргарет вознесла молитву, прося Господа указать ей, как наконец развеять проклятие. Она помолилась за Лизу, а затем, решив, что девушка задремала, выскользнула из комнаты. Маргарет не сомневалась, что заперла за собой дверь.

Бледная, решительная, Маргарет сошла вниз и, ни с кем не посоветовавшись, послала в деревню за каменщиком. Затем она уселась у изголовья мистрис Херли и объяснила той, что надлежит сделать. Потом вернулась к Лизе, но, не услышав ни звука и решив, что девушка все еще спит, вновь спустилась вниз. Она убедилась, что каменщик прибыл и уже взялся за дело и закладывает органную комнату кирпичами. Работал он проворно, и в самом скором времени органная была крепко и надежно замурована камнем и известкой.

Дождавшись, пока последний камень будет положен в кладку, Маргарет Калдервуд вновь отправилась к дверям комнаты, где спала Лиза, и убедилась в том, что там все тихо. Тогда она вернулась к изголовью миссис Херли. День уже клонился к вечеру, когда Маргарет наконец зашла в свою комнату, чтобы проверить, хорошо ли спится Лизе. Но постель оказалась пуста, а в комнате не было ни души. Лиза исчезла.

Начались поиски. Искали по всему дому, в саду, в окрестных угодьях, в полях и лугах. Лизы и след простыл. Маргарет Калдервуд приказала заложить карету и отправилась в Калдервуд проверить, не занесло ли туда маленькую гостью; затем велела она гнать в деревню, потом объехала все селения по соседству и везде справлялась о Лизе, а сама гадала, куда же та подевалась. Ослабелая, изнеможенная, хрупкая как былинка, Лиза едва стояла на ногах, так не могла же она далеко уйти?

Два дня длились напрасные поиски, а потом Маргарет возвратилась в Херли-Берли усталая и опечаленная. Вечер был прохладный, и она сидела у очага, закутавшись в шаль, и тут вошла горничная Бесс, всхлипывая и утираясь муслиновым фартучком.

– Не могли бы вы замолвить словечко перед мистрис Херли, мэм? – попросила она. – Я к ней привязана всей душой, и у меня сердце разрывается, как подумаю, что надо уезжать, да только орган опять взялся за прежнее, и я сама не своя со страху, а потому остаться никак не могу.

– Кто слышал орган и когда? – Маргарет Калдервуд встрепелась и поднялась.

– О, мэм, я своими ушами его слышала, в ту самую ночь, как вы уехали – в ту ночь, как дверь замуровали!

– А с тех пор он больше не играл?

– Нет, мэм, – поразмыслив, отвечала Бесс, – с тех пор не играл. Но чу! Слышите, мэм? Уж не он ли это снова?

– Нет, – сказала Маргарет Калдервуд, – это шумит ветер.

Но сама она, бледная как смерть, стремглав помчалась к проклятой комнате и приложила ухо к свежей каменной кладке, к еще сырой извести. Молчание. Она не услышала ничего, лишь однообразные вздохи ветра в ветвях. Тогда Маргарет налегла на каменную кладку своим белоснежным плечом, и стала ногтями царапать известку, и закричала, чтобы позвали каменщика.

Была уже полночь, но каменщик поднялся с постели и поспешил обратно в Херли-Берли. Бледная женщина стояла и наблюдала за ним, пока он не разобрал кладку, которую

возвел три дня назад, а слуги теснились и перешептывались поодаль, гадая, что же случится дальше.

А дальше случилось вот что: когда замурованную дверь отперли, каменщик вошел внутрь, освещая себе путь, а за ним – Маргарет Калдервуд и другие. У подножия органа темнел на полу какой-то холмик. При виде его свидетели застонали. То была малютка Лиза, мертвее мертвого!

Когда мистрис Херли смогла встать с постели, сквайр с женой уехали во Францию, где и прожили до самой смерти. Херли-Берли многие годы простоял запертый и всеми покинутый. Недавно поместье перешло к новому владельцу. Орган разобрали и вытащили вон, а комнату, где он стоял, отделали под спальню с самым пышным и богатым убранством. Но в спальне той никто не ночует дважды.

А Маргарет Калдервуд, всю седую и вмиг постаревшую, на другой же день положили в могилу.

Джеймс Брандер Мэтьюз Вздорные призраки

Перевод Натальи Rogovской

Красавец-лайнер на всех парах рассекал тихую гладь Атлантики, с каждым часом приближаясь к американским берегам. На листках с расписанием и картой маршрута, отпечатанных пароходной компанией, рейс помещался в графе «туда», хотя почти все пассажиры плыли «обратно» – возвращались домой после заграничного летнего отдыха и считали дни до той долгожданной минуты, когда увидят наконец свет маяка на Файр-Айленде. На подветренной палубе у входа в каюту капитана, которая в дневные часы служила салоном для пассажиров первого класса, уютно устроилась небольшая компания американцев. Герцогиня (в пассажирской ведомости она значилась как миссис Мартин, но друзья и знакомые звали ее Герцогиней с Вашингтонской площади) и Бэби ван Ренселар (младшая из двух сестер, она навсегда осталась для своей родни маленькой, хотя могла бы уже обладать правом голоса, если бы таковое распространялось на представительниц слабого пола) – так вот, Герцогиня и Бэби ван Ренселар обсуждали приятный английский голос и не то чтобы неприятный английский акцент бравого молодого лорда, направлявшегося тем же рейсом в Америку за новыми впечатлениями. Дядюшка Ларри и Дружище Джонс затеяли спор – какое расстояние пройдет корабль за следующие сутки; каждому хотелось подбить другого на пари.

– Ставлю два к одному, что четыреста двадцать мы не одолеем, – сказал Дружище Джонс.

– Идет, – с готовностью ответил Дядюшка Ларри. – В прошлом году на пятый день мы прошли четыреста двадцать семь.

Это был семнадцатый по счету вояж Дядюшки Ларри в Европу, его тридцать четвертое трансатлантическое плавание.

– А когда вы приплыли домой? – подала голос Бэби ван Ренселар. – Мне все равно, сколько миль мы проходим в сутки, лишь бы поскорее доплыть.

– Мы вошли в бухту в воскресенье вечером, через семь дней после отплытия из Квинстона, и бросили якорь на рейде напротив карантинной станции в понедельник, в три часа утра.

– Надеюсь, это не повторится. Когда корабль стоит, я совсем не могу спать.

– А я могу, только в тот раз мне спать не пришлось, – невозмутимо продолжал Дядюшка Ларри, – потому что моя каюта была первая от носа, и якорный мотор тарыхтел прямо у меня над головой.

– И тогда вы вышли на палубу и увидели, как над заливом восходит солнце, – подсказал ему Дружище Джонс. – Вдалеке мерцали электрические огни большого города, на востоке, над фортом Лафайет, занималась заря, бледное небо окрасилось нежным румянцем, и...

– Так вы возвращались домой вместе? – удивилась Герцогиня.

– Если кто-то тридцать четыре раза переплыл Атлантику, это еще не значит, что у него монополия на рассветы, – нашелся Дружище Джонс. – Нет, я описал свой собственный рассвет, и, смею вас заверить, картина была восхитительная.

– Я не стану мериться рассветами, но готов помериться шутками, – все так же невозмутимо заметил Дядюшка Ларри. – Ставлю шутку про мой рассвет против двух шуток про ваш.

– Вынужден признаться, что никаких шуток про рассвет я не припомню.

Дружище Джонс был честный малый и не стал бы экспромтом придумывать шутку, лишь бы не ударить лицом в грязь.

– Значит, мой рассвет победил за явным преимуществом, – самодовольно заявил Дядюшка Ларри.

– А что за шутка? – не выдержала Бэби ван Ренселар, поддавшись женскому любопытству, которое бессильно перед искусной провокацией.

– Извольте. Я стоял на корме, и вместе со мной были еще двое: один американский патриот и типичный бродяга-ирландец. Американский патриот вдруг возьми и брякни – дескать, в Европе такого рассвета вовек не увидишь; но ирландец не растерялся и говорит: «Оно конечно – к вам-то рассвет приходит после нас, когда нам он уже без надобности».

– Да, в чем-то он прав, – задумчиво произнес Дружище Джонс, – там у них кое-что и правда лучше, чем у нас. Хотя бы зонты.

– И наряды, – добавила Герцогиня.

– И древности, – внес свою лепту Дядюшка Ларри.

– Зато многое у нас в Америке в сто раз лучше! – возразила Бэби ван Ренселар, еще не испорченная низкопоклонством перед дряхлеющими монархиями деспотичной старухи Европы. – У нас полно приятных вещей, которых в Европе днем с огнем не сыскать. У нас мороженое вкуснее!

– И девушки красивее, – добавил Дружище Джонс, не глядя на нее.

– И призраки что надо, – заметил Дядюшка Ларри как ни в чем не бывало, будто речь шла о самых обычных вещах.

– Призраки? – переспросила Герцогиня.

– Призраки. Лично мне нравится это слово. Зовите их привидениями, если вам угодно, или духами. Что-то, а призраки у нас и впрямь первый сорт, тут мы кого хочешь заткнем за пояс...

– А как же чудесные истории про духов Рейна и Черного Леса, про них вы забыли? – перебила его мисс ван Ренселар с чисто женской непоследовательностью.

– Я прекрасно помню про Рейн и Черный Лес и про всю заграничную нечисть, включая эльфов, фейри и хобгоблинов; но если мы посмотрим на простых честных призраков, то, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Ведь в чем главное отличие нашего отечественного призрака – назовем его *spiritus Americanus* – от обычных привидений мировой литературы? В том, что он, так сказать, созвучен американскому чувству юмора. Взять хотя бы сюжеты Вашингтона Ирвинга. К примеру, «Всадник без головы». Уморительная история о призраке! А Рип ван Винкль? Помните, с каким юмором, с каким неподражаемым юмором рассказано о встрече Рипа с гоблинами-матросами из команды Гендрика Гудзона? Но нагляднее всего американский подход к мифическому и мистическому проявился в бесподобной истории о двух вздорных призраках.

– О двух вздорных призраках! – в один голос повторили за ним Герцогиня и Бэби ван Ренселар. – Кто это такие?

– Неужели я вам про них не рассказывал? – вопросом на вопрос ответил Дядюшка Ларри, и в его глазах вспыхнул огонек радостного предвкушения.

– Он все равно расскажет, раньше или позже, так какой смысл откладывать, можем послушать и сейчас, – ворчливо предложил Дружище Джонс.

– Если вам неинтересно, могу не рассказывать.

– Ну пожалуйста, Дядюшка Ларри, расскажите! Я обожаю истории с призраками, – взмолилась Бэби ван Ренселар.

– Давным-давно, – начал Дядюшка Ларри, – вернее, всего несколько лет назад, в славном городе Нью-Йорке жил-был молодой американец, и звали его Дункан – Элифалет Дункан. Как и его имя, он был наполовину янки, наполовину шотландец, а по профессии, естественно, юрист, и в Нью-Йорк он подался искать удачи. Его отец-шотландец в свое время перебрался в Новый Свет, осел в Бостоне и женился на девушке из Салема. Двадцати лет от

роду Элифалет Дункан потерял обоих родителей. От отца он получил в наследство изрядную сумму денег, чтобы начать самостоятельную жизнь и карьеру, а кроме того – гордость за свое шотландское происхождение. Дело в том, что шотландский род Дунканов принадлежал к титулованной знати, и хотя отец Элифалета был младшим сыном младшего сына барона, он всегда сам помнил и своему сыну наказывал не забывать про их благородную кровь. В наследство от матушки-янки Элифалет получил решительный характер и небольшой старый дом в Салеме, который принадлежал ее семье лет двести. В девичестве она носила фамилию Хичкок, а Хичкоки жили в Салеме с самого его основания. В пору знаменитого процесса над ведьмами прапрапрадед ее отца, Элифалета Хичкока, играл в городе далеко не последнюю роль. Так вот, в старинном доме, доставшемся от матери моему другу Элифалету Дункану, обитало привидение.

– Призрак одной из тамошних ведьм, разумеется? – встрял Дружище Джонс.

– Разумеется, нет. Всех ведьм, как известно, отправили на костер. Когда и кому являлся призрак сожженного на костре? Вы про такое слыхали? – спросил Дядюшка Ларри.

– Между прочим, это веский довод в пользу кремации, – прокомментировал Дружище Джонс, уклонившись от прямого ответа.

– Да, если не любишь привидений. А я их люблю! – заявила Бэби ван Ренселар.

– И я тоже, – поддержал ее Дядюшка Ларри. – Обожаю призраков – прямо как англичане лордов.

– Не отвлекайтесь, продолжайте свой рассказ, – распорядилась Герцогиня, властно пресекая не относящиеся к делу споры.

– В старом салемском доме водилось привидение, – попытожил Дядюшка Ларри. – И привидение особенное – во всяком случае, с весьма необычными свойствами.

– С какими? – спросила Бэби ван Ренселар, дрожа и замирая от нетерпения.

– За ним замечали немало странностей. Начать с того, что оно никогда не являлось хозяину дома. Как правило, оно подкарауливало нежеланных гостей. За последние сто лет привидение отвадило от дома четырех тещ, но хозяину от него никакого беспокойства не было.

– Наверное, при жизни, то есть в бытность свою во плоти, этот призрак был кем-то из сыновей-Хичкоков, – высказал догадку Дружище Джонс, не желая довольствоваться ролью слушателя.

– Другая особенность, – не обращая на него внимания, продолжал Дядюшка Ларри, – состояла в том, что при своем первом появлении оно никогда никого не пугало. И только при повторной встрече нагоняло страху на тех, кто его видел, и какого страху! Редкий гость отваживался попытаться счастья в третий раз. Едва ли не самым удивительным в этом добровольном потустороннем помощнике было отсутствие лица. По крайней мере, лица его никто не видел.

– Может быть, лицо было чем-то закрыто? – предположила Герцогиня; чем дальше, тем отчетливее она понимала, что никогда не любила историй с привидениями.

– Это так и осталось для меня загадкой. Я сам беседовал с теми, кто видел призрака, и ни один из опрошенных ничего не мог мне рассказать про его лицо. Как ни странно, свидетели словно бы не обращали внимания на его внешность, хотя и не говорили, что лица у него не было или оно было чем-то закрыто. И только потом, пытаясь в спокойной обстановке восстановить в памяти все обстоятельства встречи с таинственным существом, они вдруг осознавали, что лица его не видели. И хоть убей не могли сказать, было ли оно закрыто, или его просто не было, или в чем вообще дело. Они знали одно – лица они не видели. Столько достоверных рассказов очевидцев, но по сей день неизвестно, было ли лицо у привидения, которое обитало в старом салемском доме, и если да, то какое.

– Страсть как интересно! – восхитилась Бэби ван Ренселар. – А почему привидение там больше не живет?

– Я этого не говорил, – ответил Дядюшка Ларри с большим достоинством.

– Но вы сказали «обитало» в старом салеменском доме, поэтому я решила, что теперь его там нет. Или есть? – не унималась юная леди.

– Погодите, всему свое время. Элифалет Дункан обычно проводил в Салеме летние каникулы, но привидение ему не докучало, ведь он был в доме хозяин, – к его великой досаде, надо заметить, ибо ему очень хотелось своими глазами увидеть загадочного жильца, который своевольничал в его владении. Но ему это ни разу не удалось, ни разу. Он привозил в дом то одного, то другого приятеля и просил, если тому вдруг явится призрак, погромче крикнуть, а сам ложился спать в соседней комнате и нарочно держал дверь открытой; но когда он, разбуженный криком испуганного приятеля, вбегал в его спальню, никакого привидения там уже не было, и ему оставалось ни с чем возвратиться в постель и довольствоваться укоризненными вздохами: привидение считало, что Элифалет поступает некрасиво – разве можно всеми правдами и неправдами искать знакомства, в котором тебе отказано!

Рассказчик вынужден был прерваться: Дружище Джонс встал с места, чтобы поплотнее укутать теплым пледом ноги Бэби ван Ренселар, – на небо набежали серые тучи, и сразу похолодало; от воды потянуло сыростью.

– В одно прекрасное весеннее утро, – возобновил свой рассказ Дядюшка Ларри, – Элифалет Дункан получил сногшибательное известие. Я уже говорил, что его семья по отцовской линии принадлежала к шотландской знати и что отец Элифалета был младшим сыном младшего сына тамошнего барона. Судьба распорядилась так, что все братья и дядья Элифалетова батюшки умерли, не оставив наследника мужского пола, – все, за исключением старшего сына старшего сына барона, который, само собой разумеется, носил фамильный титул и звался барон Дункан из Дункана. Сногшибательное известие, которое Элифалет Дункан получил в Нью-Йорке одним прекрасным утром, состояло в следующем: барон Дункан вместе с единственным сыном попал на яхте в черный шквал вблизи Гебридских островов, и оба, отец и сын, погибли. Таким образом, мой приятель Элифалет Дункан унаследовал титул и состояние.

– Как романтично! – оживилась Герцогиня. – Он стал бароном!

– Да, – промолвил Дядюшка Ларри, – он стал бы бароном, если бы пожелал, только он не пожелал.

– Ну и дурак! – постановил Дружище Джонс.

– Как сказать, – ответил Дядюшка Ларри, – я бы не спешил с выводами. Видите ли, Элифалет Дункан был только наполовину шотландец, а наполовину янки и смотрел на дело трезво. Он предпочитал помалкивать о своей нечаянной удаче, пока не выяснит, насколько шотландский титул обеспечен шотландским состоянием. И вскоре дознался, что никаких денег нет: покойный лорд женился по расчету и жил исключительно на доход от приданого леди Дункан. Практичный Элифалет рассудил, что лучше быть сытым нью-йоркским юристом и жить припеваючи за счет своей адвокатской практики, чем быть голодным шотландским лордом и жить за счет титула, а попросту говоря – едва сводить концы с концами.

– Но он не отказался от титула? – уточнила Герцогиня.

– Нет, – подтвердил Дядюшка Ларри, – только об этом никто не знал, кроме меня и, может быть, еще пары близких друзей. Элифалет не такой болван, чтобы вешать на дверях табличку: «Барон Дункан из Дункана, поверенный, судебный адвокат».

– Ну ладно, а при чем тут ваше привидение? – не слишком вежливо поинтересовался Дружище Джонс.

– То привидение действительно ни при чем, зато другое очень даже при чем. Надо вам сказать, Элифалет на редкость сведущ во всем, что касается потусторонних сил. Причина,

возможно, в его салемском доме с привидением, а возможно, в его шотландских корнях. Так или иначе, он поднаторел в науке о духах и дамах в белом, о банши и боги и прочей нечисти, чьи присказки, проказы и прорицания запечатлены в анналах шотландской аристократии. Ни одно мало-мальски известное привидение в многовековой истории родовитых шотландских семейств не прошло мимо его внимания. Знал он и о некоем Дункановом призраке, который связан магическими узами с обладателем титула барона Дункана из Дункана.

– Мало ему было дома с привидением в Салеме, так за ним еще числился и родовой призрак в Шотландии? – поразила Бэби ван Ренселар.

– Вот именно. Но шотландский призрак был симпатичнее салемского, хотя у них с трансатлантическим собратом было кое-что общее: шотландец никогда не являлся обладателем титула, точно так же как призрак из Салема никогда не показывался на глаза хозяину дома. Дунканова призрака вообще никто не видел. Он был незримым ангелом-хранителем. Его долг состоял исключительно в том, чтобы всегда находиться в личном услужении у барона Дункана из Дункана и вовремя предупреждать его о грядущей опасности. Семейное предание хранит множество примеров необычайно развитой у Дунканов способности предчувствовать несчастье. Кому-то из баронов хватало мудрости прислушаться к внутреннему голосу и отказаться от участия в опасном начинании, которое, конечно же, было обречено. Другие упрямылись, не желали верить своему сердцу и очертя голову неслись навстречу неминуемому поражению и смерти. Но не было случая, чтобы лорд Дункан попал в беду по неведению.

– Тогда каким же образом отец и сын угодили в бурю у Гебридов? – ехидно поинтересовался Дружище Джонс.

– Их сгубило просвещение, ведь образованному человеку не пристало идти на поводу у суеверия. Сохранилось письмо лорда Дункана, которое он написал жене за несколько минут до того, как поднял парус; лорд пишет, какую жестокую внутреннюю борьбу ему пришлось выдержать, чтобы пойти наперекор почти неодолимому желанию отменить выход в море. А послушайся он дружеского совета родового призрака, шотландцам не пришлось бы слать письмо на другой берег Атлантики.

– Неужели после смерти старого барона этот родовой призрак перебрался из Шотландии в Америку? – с неподдельным интересом спросила Бэби ван Ренселар.

– Наверное, приплыл третьим классом, – ввернул Дружище Джонс, – а может быть, и в каюте?

– Это мне неизвестно, – спокойно ответил Дядюшка Ларри, – и Элифалету тоже. Поскольку никакая опасность ему не грозила и предупреждать его было не о чем, он просто не знал, на страже ли призрак. Хотя, конечно, Элифалет все время был начеку. Но доказательств призрачного присутствия у него не имелось, пока он не приехал в старый салемский дом, аккурат в канун четвертого июля. С ним был его приятель, служивший в регулярной армии со дня обстрела форта Самтер; молодой человек полагал, что после четырехлетней заварушки на Юге (с перерывом на шестимесячный отдых в Либби) и десятка лет непрерывных стычек с индейцами на Равнинах его никакими привидениями не испугаешь. Весь вечер Элифалет и его приятель-офицер сидели на крыльце, курили и обсуждали уложения военного права. Немного за полночь, когда они уже хотели разойтись по комнатам и лечь спать, в доме поднялся дикий шум. Не крик, не визг, не вой – никаким словом нельзя назвать то, что они слышали. Это было неопишимо, непостижимо – все задрожало, затряслось, загудело, и наконец что-то словно бы вырвалось через открытое окно с протяжным душераздирающим стоном. Офицер, товарищ Элифалета, прошел испытание Холодной гаванью, но в тот миг он похолодел, как никогда в жизни. Элифалет не сомневался, что это проделки местного, салемского привидения. Следом за первым жутким звуком раздался другой – резкий, отрывистый, невыносимо пронзительный, от которого кровь еще пуще стыла в жилах. Однако

что-то в этом крике показалось Элифалету странно знакомым, и он догадался: должно быть, его фамильный призрак, дух-покровитель Дунканов, подает ему знак.

– Если я правильно вас поняла, вы намекаете на то, что там оказались сразу оба призрака? – забеспокоилась Герцогиня.

– Оба, – подтвердил Дядюшка Ларри. – Один являлся принадлежностью дома и обитал там постоянно, а другой неотлучно находился при бароне Дункане – куда барон, туда и он, в Салем так в Салем. Но Элифалету некогда было размышлять – призраки снова заголосили, и не по очереди, а разом, и что-то шепнуло ему – какое-то присущее ему шестое чувство, – что призраки не нашли общего языка, не поладили, невзлюбили друг друга, короче говоря, что они ссорятся.

– Призраки – и ссорятся! Вот это да! – простодушно восхитилась Бэби ван Ренселар.

– То ли дело, когда призраки живут в мире и согласии, – обронил Дружище Джонс, на что Герцогиня заметила:

– Это было бы куда пристойнее.

– Вы все, конечно, знаете, – резюмировал Дядюшка Ларри, – что две световые или звуковые волны при взаимном наложении могут дать темноту или тишину. Вот и эти вздорные призраки «наложились» друг на друга. Только ни тишины, ни темноты не последовало. Какое там: едва Элифалет с приятелем-офицером вошли в дом, началось настоящее спиритуалистическое светопреставление. Бубен звенел, колокольчик тренькал, огненное банджо брэнчал и летало по комнате как бешеное.

– Откуда у них взялось банджо? – недоверчиво спросил Дружище Джонс.

– Вот уж не знаю. Как-нибудь материализовалось, наверное, заодно с бубном. Вы же не думаете, что добропорядочный нью-йоркский адвокат станет держать дома склад музыкальных инструментов (хватило бы снарядить маленький бродячий оркестр!) просто на случай, если вдруг пара призраков решит устроить ему музыкальный сюрприз? Как известно, у всякой потусторонней сущности свой пыточный музыкальный инструмент – как у всякого святого мученика свое орудие страстей. Ангелы, если меня правильно информировали, вечно играют на арфе, ну а призраки обожают банджо и бубны. Элифалету Дункану достались привидения, которые шли, вероятно, в ногу со временем и способны были, я думаю, самостоятельно обеспечить себя музыкальными инструментами. Так или иначе, той ночью, которую Элифалет Дункан с приятелем провели в старом салемском доме, инструменты у них имелись. И призраки на них играли, а еще звонили в колокольчик и непрестанно стучали тут и там. И так продолжалось всю ночь.

– Всю ночь? – ужаснулась Герцогиня.

– Всю ночь напролет, – степенно подтвердил Дядюшка Ларри, – и следующую ночь тоже. Элифалет ни на миг не сомкнул глаз, как и его приятель. На вторую ночь офицеру явилось местное привидение; на третью наведальсь снова; наутро офицер собрал свои вещи и первым же поездом отбыл в Бостон. Вообще-то, жил он в Нью-Йорке, но готов был уехать хоть в Бостон, лишь бы не встречаться больше с салемским призраком. В отличие от него Элифалет никакого страха не испытывал, отчасти потому, что сам ни разу не видел ни домового, ни титульного призрака, а отчасти потому, что с миром духов чувствовал себя по-своему и запугать его было не так-то просто. Но после трех подряд бессонных ночей, лишившись компании приятеля, он начал терять терпение и подумал, что это уже чересчур. Хотя Элифалет по-своему любил призраков, он предпочитал их по одному, а не всех скопом. На его вкус, из двух призраков один был лишний. Коллекционировать привидения в его планы не входило. Он сам плюс один призрак – славная компания, но он плюс два призрака – увольте.

– И что же он сделал? – спросила Бэби ван Ренселар.

– А что тут сделаешь? Он еще немного выждал в надежде, что они выдохнутся, но он выдохся первый. Понимаете, призраки привыкли спать днем, для них это в порядке вещей, но люди спят ночью, а по ночам призраки устраивали в доме тарарам. Они без конца затевали перепалки и перебранки, и стоило часам на лестнице пробить двенадцать, они и вовсе не знали удержу, какие только номера не откалывали – по всему дому стук-перестук, колокольчики заливаются, бубен звенит, огненное банджо бренчит и летает по воздуху, но хуже всего было то, что эти двое ругались как извозчики.

– Никогда бы не подумала, что привидения сквернословят, – удивилась Герцогиня.

– А как он понял, что они ругались? Разве мог он их слышать? – с сомнением спросил Дружище Джонс.

– Верно, – похвалил его Дядюшка Ларри, – слышать их он не мог... так, чтобы разобрать слова. Только невнятное бормотание, пыхтенье да кряхтенье. Но впечатление было такое, что они ругаются почем зря. Если бы они ругались членораздельно, Элифалета это удручало бы намного меньше, потому что тогда он знал бы худшее. Но постоянно чувствовать, что воздух в доме отравлен непристойностями, оказалось выше его сил, и через неделю такой жизни он сдался, махнул рукой и уехал на Белые горы.

– Пусть выясняют отношения без него! Так, наверное, он подумал, – не выдержав, встала Бэби ван Ренселар.

– Нет, вовсе нет. В его отсутствие они никак не могли бы ссориться, – объяснил Дядюшка Ларри. – Дело в том, что Элифалет не мог сам уехать, а титульного призрака оставить в доме, тогда как домовый призрак, напротив, ни при каких обстоятельствах не мог покидать дом. Поэтому когда уехал Элифалет, с ним уехал и фамильный шотландский призрак, а местный, салецкий, остался в доме. Если вас разделяют сотни миль, ссориться как-то не с руки, и в этом отношении призраки ничем не отличаются от людей.

– А дальше, что было дальше? – спросила Бэби ван Ренселар с очаровательным нетерпением.

– А дальше случилась удивительнейшая вещь. Элифалет Дункан направился к Белым горам по железной дороге, которая идет через вершину горы Вашингтон, и в поезде встретил старого школьного приятеля (после школы они ни разу не виделись), и тот познакомил его с сестрой, а сестра была необыкновенно мила, и Дункан влюбился в нее с первого взгляда, и к тому времени, как поезд взобрался на вершину горы Вашингтон, бедняга от любви скатился в пропасть самоуничтожения – он полагал, что недостойн ее, и все же мечтал ей понравиться, хотя бы чуть-чуть.

– Не вижу, что тут удивительного, – сказал Дружище Джонс, бросив взгляд на Бэби ван Ренселар.

– Кто она, эта молодая особа? – спросила Герцогиня, которая одно время жила в Филадельфии.

– Мисс Китти Саттон, родом из Сан-Франциско, дочь судьи Саттона, совладельца юридической фирмы «Пиксли и Саттон».

– Очень достойная семья, – благосклонно кивнула Герцогиня.

– Надеюсь, ее мать не та крикливая и беспардонная миссис Саттон, которую я лет пять назад повстречал в Саратогге во время летних каникул? – насторожился Дружище Джонс.

– Возможно, та самая, – сдержанно ответил Дядюшка Ларри.

– Старая гримза. Недаром ребята прозвали ее мамашей Горгоной.

– Что ж, милашка Китти Саттон, в которую влюбился Элифалет Дункан, – дочь мамашы Горгоны. Но он в глаза не видел матери – та жила где-то на Западе, в Лос-Анджелесе, Фриско или Санта-Фе, – зато вдоволь насмотрелся на дочь, пока она с братом и его женой путешествовала по Белым горам. Их тройца переезжала из одной гостиницы в другую, и Дункан повсюду их сопровождал, так что трио превратилось в квартет. К концу лета он надумал

сделать предложение. Подходящий случай найти было не трудно – вся компания ежедневно отправлялась любоваться видами. Он хотел не откладывая исполнить задуманное и тем же вечером повез девушку на озеро Виннипег кататься на лодке при луне. Усаживая ее в лодку, он твердо решил: теперь или никогда, и тут же у него закралось подозрение, что она прочла его мысли.

– Девушки, – изрек Дружище Джонс, – не садитесь ночью в лодку с молодым человеком, если не хотите за него выйти.

– Да, иногда лучше сразу отказать и не мучиться, – как бы между прочим заметила Бэби ван Ренселар.

– Едва Элифалет взялся за весла, сердце у него сжалось от недоброго предчувствия. Он попробовал избавиться от наваждения, но ничего не получалось. С каждой минутой тревога росла. Не успел он раз десять взмахнуть веслами (а грести он привык быстро), как ощутил чье-то таинственное присутствие между собой и мисс Саттон.

– Не иначе призрак, он же ангел-хранитель, пытался уберечь его от женитьбы? – снова перебил рассказчика Дружище Джон.

– Угадали, именно так, – подтвердил Дядюшка Ларри. – И Элифалет внял совету, сдержал себя и тихо-мирно доставил девушку назад в гостиницу; предложения руки и сердца она не услышала.

– Вот дурень, – фыркнул Дружище Джонс. – Подумаешь, призрак! Если я решу сделать предложение, меня никто не остановит. – И он выразительно посмотрел на Бэби ван Ренселар.

– На следующий день, – продолжал Дядюшка Ларри, – Элифалет проспал, и когда с опозданием спустился к завтраку, то узнал, что Саттоны утренним поездом уехали в Нью-Йорк. Он хотел немедленно мчаться вдогонку, но вновь почувствовал, как его волю сковала таинственная сила. Два дня он провел в мучительной борьбе с собой, пока наконец не собрался с духом осуществить задуманное, что бы там призрак ему ни внушал. В Нью-Йорк он прибыл уже затемно. Наспех переодевшись, он отправился в гостиницу, где остановились Саттоны, в надежде повидать хотя бы ее брата. Буквально каждый дюйм пути ему приходилось брать с боем, преодолевая яростное сопротивление ангела-хранителя, и он даже подумал, что же будет, если мисс Саттон примет его предложение. Призрак запретит ему венчаться? В гостинице ему никого увидеть не удалось, и он вернулся домой с намерением на следующий день, пораньше, снова нанести визит и покончить с этим. На следующий день около двух часов пополудни он вышел из конторы, исполненный решимости узнать свою судьбу. Пройдя примерно пять кварталов, он с удивлением обнаружил, что дух-покровитель Дунканов больше не препятствует его матримониальным планам. Ощущение неминуемой беды, внутреннего разлада, странной раздвоенности, как если бы что-то его упорно удерживало, – все вдруг исчезло без следа. У Элифалета словно камень с души упал, и он, не чуя под собой ног, помчался в гостиницу. Мисс Саттон была одна. Он произнес заветные слова, и получил ответ.

– Она, конечно, согласилась? – спросила Бэби ван Ренселар скорее утвердительно.

– Конечно, – подтвердил Дядюшка Ларри. – И пока они, не помня себя от радости, забрасывали друг друга признаниями и заверениями, в гостиную вошел ее брат с выражением скорби на лице и телеграммой в руке. Скорбь была вызвана телеграммой из Фриско, в которой сообщалось о внезапной кончине их матушки, миссис Саттон.

– Так вот почему фамильный призрак больше не противился этому союзу? – догадался Дружище Джонс.

– Как всегда в точку. Призрак-покровитель понимал, что мамаша Горгона – серьезная помеха счастью Дункана, и честно предупредил его об этом. Но как только помехи не стало, призрак тотчас дал согласие на брак.

Плотная, влажная завеса тумана опускалась все ниже, и с одного конца корабля другой был уже еле различим. Дружище Джонс заботливо поправил плед, укрывавший Бэби ван Ренселар, и снова вернулся на место, под свое теплое покрывало.

Дядюшка Ларри ненадолго прервал рассказ, раскуривая очередную тонкую сигару, – он курил их одну за другой.

– Полагаю, лорд Дункан, – (Герцогиня никогда не забывала про титулы), – после свадьбы призраков уже не видел.

– Он вообще никогда их не видел, ни до, ни после. Но они едва не расстроили его свадьбу, едва не разбили два юных сердца.

– Уж не хотите ли вы сказать, будто вашим призракам было известно о неких особых обстоятельствах или непреодолимом препятствии и потому они не могли молчать? – высказал предположение Дружище Джонс.

– Да разве может какой-то призрак, и даже два призрака, помешать девушке выйти замуж за любимого человека? – возмутилась Бэби ван Ренселар.

– Действительно, это кажется невероятным. – Дядюшка Ларри попытался немного согреться, два или три раза подряд пыхнув своей тонкой сигаркой. – И не менее странным, чем сам этот факт, было то, что случилось потом. Видите ли, из-за смерти матери мисс Саттон потребовала отложить свадьбу на год, и поэтому у них с Дунканом была уйма времени, чтобы рассказать друг другу о себе всё-всё. Элифалет немало узнал о ее школьных подружках, а Китти вскоре заочно познакомилась со всем его семейством. Он долго не говорил ей о титуле, поскольку не любил хвастаться. Зато в подробностях описал свой старый салецкий дом. И однажды вечером, ближе к концу лета, незадолго до свадьбы, назначенной на первые дни сентября, она объявила ему, что не хочет никакого свадебного путешествия и мечтает провести медовый месяц в его старом салецком доме, в тишине и покое, вдали от всех и вся. Элифалет сперва очень обрадовался – его самого это более чем устраивало. Но потом вспомнил про призраков и схватился за голову. К этому времени он уже рассказал ей о духе-покровителе рода Дунканов, и новость о том, что у ее мужа будет в личном услужении фамильный призрак, вызвала у нее ребяческий восторг. Но он ни словом не обмолвился о привидении в старом салецком доме. И теперь, представив себе, как она до смерти напугается, если тамошний призрак вздумает ей явиться, он понял, что проводить в Салеме медовый месяц ни в коем случае нельзя. Он честно выложил ей все как есть – как при его появлении в Салеме два призрака «накладываются» друг на друга, и устраивают тарарам, и двигают существующие предметы, и материализуют несуществующие, и вообще делают жизнь в доме невыносимой. Китти слушала его в полном молчании, и Элифалет решил, что она передумала ехать в Салем. Но он сильно ошибался.

– Как это типично для мужчины – думать, что она передумает, – обронила вслух Бэби ван Ренселар.

– Она сказала ему, что не вынесет соседства призраков, но ни за что не выйдет замуж за труса, который перед ними пасует.

– Как это типично для девицы – быть до смешного непоследовательной, – обронил Дружище Джонс.

Тонкая сигара Дядюшки Ларри давно потухла. Он закурил следующую и продолжил:

– Элифалет пытался ее урезонить, но безуспешно. Китти стояла на своем. Она твердо решила провести медовый месяц в старом салецком доме и так же твердо решила, что не переступит его порог, пока там обитают привидения. Если Элифалет не сможет дать ей гарантий, что призрачный жилец уберется оттуда и она будет избавлена от концертов и фокусов с материализациями, то она просто-напросто откажется за него выходить. Она не потерпит, чтобы два вздорных призрака, что-то там между собой не поделивших, отравили ей

медовый месяц, а свадьба может и подождать, пока он не обеспечит ей нормальные условия для жизни в доме.

– Какая, право, неразумная молодая особа, – сказала Герцогиня.

– Да, именно так и подумал Элифалет, хоть и был без памяти в нее влюблен. В глубине души он не сомневался, что сумеет ее переубедить. Однако не сумел. Она закусила удила. А если девица закусила удила, остается смириться с неизбежным. И Элифалет смирился. Он уяснил, что должен либо отказаться от нее, либо избавиться от призраков; и поскольку ее он любил, а призраками не дорожил, он вознамерился их приструнить. Характер у Элифалета всегда был решительный – он ведь полукровка, помесь шотландца с янки, а обе породы славятся тем, что не бегут от опасности, поджав хвост. Короче говоря, он составил план действий и отправился в Салем. На прощание он поцеловал Китти, и ему показалось, что ей не хочется его отпускать, но она храбрилась, не подавала виду и даже пошла его проводить, а придя домой, целый час проплакала и потом ходила как в воду опущенная, пока на следующий день он к ней не вернулся.

– Так он сумел прогнать призраков? – спросила Бэби ван Ренселар, сгорая от любопытства.

– Я к этому как раз и веду, – ответил дядюшка Ларри; дойдя до кульминационного момента в повествовании, он, как и полагается опытному рассказчику, сделал долгую паузу. – Вы сами понимаете, что Элифалет взялся за тяжелое дело и охотно воспользовался бы отсрочкой, однако нужно было безотлагательно выбирать между девушкой и призраками, а потерять девушку он ни в коем случае не хотел. Он попытался придумать или припомнить какой-нибудь простой и быстрый способ разделаться с привидениями, но в голове было пусто. Хорошо бы выкурить призраков из дома, и чтобы духу их больше не было! А что, если подговорить их наделать долгов? Тогда можно было бы напустить на них шерифа. Или пристрастить их к спиртному – призрака-дебошира с явными симптомами белой горячки можно было бы на веки вечные упечь в психушку. Увы, подобные прожекты не выдерживали критики.

– Так что он предпринял? – не выдержал Дружище Джонс. – Суд просит защиту высказываться по существу.

– Помяните мое слово, вы пожалеете о своей несдержанности, – попенял ему Дядюшка Ларри, – когда узнаете, как все обернулось.

– Как, как, Дядюшка Ларри? – взмолилась Бэби ван Ренселар. – Не томите!

И Дядюшка Ларри вернулся к рассказу:

– Элифалет отправился в старый салемский дом, и как только часы пробили двенадцать, вздорные призраки опять затеяли свару. Снова тут и там начался перестук, затренькали колокольчики, зазвенели бубны, забренчали летающие банджо, и весь набор манифестаций и материализаций был представлен в точности как прошлым летом. Единственное отличие, которое Элифалет сумел уловить, состояло в повышенном градусе сквернословия; разумеется, мы можем говорить лишь о самом общем впечатлении, ибо ни единого слова как такового он не слышал. Элифалет велел себе набраться терпения и некоторое время просто слушал и наблюдал. Ни одного из призраков он, конечно же, не видел, поскольку ни тот, ни другой не могли ему показаться. Наконец все это его порядком разозлило, и он решил, что пора вмешаться. Он грозно постучал по столу и попросил тишины. Убедившись, что завладел вниманием призраков, Элифалет объяснил им, как обстоит дело: он любит девушку, но не сможет на ней жениться, пока не очистит дом от привидений. Он обращается к ним, как к старым друзьям, сказал он, и взывает к их чувству благодарности. Титульный призрак веками пользовался гостеприимством и покровительством рода Дунканов, а домовый призрак почти двести лет даром жил в старом салемском доме. И теперь он, Элифалет, покорнейше просит их поскорее выяснять отношения друг с другом и раз навсегда избавиться его от

ненужных сложностей. Он предложил им, не откладывая в долгий ящик, решить свой спор в честном поединке; кто победит, тот и останется. Элифалет заранее обо всем побеспокоился и привез с собой все, что нужно для дуэли. И он выдвинул на середину комнаты тяжелый чемодан и разложил на столе пару револьверов, пару ружей, пару дуэльных шпаг и пару разбойничьих ножей. Он вызвался быть секундантом – обеих сторон сразу – и дать команду сходиться. Потом он достал из чемодана колоду карт и пузырек с ядом: если призракам претит кровопролитие, они могут сыграть в карты, и проигравший примет яд. Он с волнением ждал, что они ответят. На некоторое время воцарилось молчание. Потом он явственно почувствовал, как в одном углу комнаты все задрожало и затряслось, и тут же вспомнил, что при первом упоминании дуэли из этого угла донесся тихий звук вроде испуганного «ах», если перевести это на понятный нам язык. Интуиция подсказывала ему, что там притаился домовый дух и что он порядком напуган. В противоположном углу комнаты началось какое-то движение, как если бы титульный дух выступил вперед, всем своим видом выражая оскорбленную рыцарскую гордость. Не то чтобы Элифалет все это видел, он вообще никогда не видел призраков, но он их прекрасно чувствовал. Еще через минуту натянутого молчания из угла, где находился фамильный призрак, послышался голос – сильный, звучный, но слегка прерывающийся от негодования. Вот бесспорное доказательство, произнес голос, что Элифалет слишком недолго пробыл главой своего клана и не вполне усвоил родовые правила чести, иначе он не посмел бы предположить, будто некто одной с ним крови способен обратить оружие против дамы. Элифалет возразил, что ему и в голову не приходило предлагать Дунканову духу поднять руку на женщину и все, чего он хотел, это чтобы один призрак вступил в единоборство с другим. И тогда голос известил Элифалета, что тот, другой, – женщина.

– Что?! – От неожиданности Дружище Джонс подскочил на месте. – Уж не хотите ли вы сказать, что салемское привидение – женщина?

– Точно такой же вопрос задал Элифалет Дункан, слово в слово, – сообщил дядюшка Ларри, – только ответ был ему уже ни к чему. Он вдруг разом вспомнил все, что знал про домового призрака, и сам понял, что титульный призрак сказал чистую правду. Он никогда не задумывался о половой принадлежности привидения, но теперь у него не оставалось ни малейших сомнений, что дух салемского дома – женщина. Едва Элифалет осмыслил это открытие, он тотчас нашел и выход из затруднительного положения. Призраков надо поженить! И тогда не будет больше никаких ссор, манифестаций и материализаций, никаких концертов, стуков, колокольчиков, бубнов и банджо. Поначалу призраки встретили его идею в штыки. Голос из угла объявил, что Дунканов дух не собирается и никогда не собирался связывать себя брачными узами. Но Элифалет принялся жарко с ними спорить, упрашивать, убеждать и улещивать, а уж как он разливался о радостях супружеской жизни! Правда, ему пришлось признать, что он пока не представляет, как уговорить священника их обвенчать, но голос из угла вполне серьезно заверил его, что на этот счет беспокоиться нечего: в мире духов священников хоть отбавляй. И тут впервые заговорило салемское привидение – мягким грудным голосом, с каким-то диковинным, староновоанглийским выговором, который резко контрастировал с рокочущей шотландской манерой фамильного призрака. Элифалет Дункан, по всей видимости, забыл, напомнил ему женский голос, что она замужем. Но Элифалет и бровью не повел, поскольку внимательно изучил ее дело. Он сказал ей, что она заблуждается: по сути, она не замужнее привидение, а вдовствующее, поскольку ее супруга за убийство жены вздернули на виселице. Тогда Дунканов призрак обратил внимание на большую разницу в их возрасте, ведь ему без малого четыреста пятьдесят, тогда как ей всего двести. Но Элифалет не зря выступал в суде перед присяжными – он произнес блестящую речь, убедительно и пылко уговаривая призраков сочетаться браком. Позже он пришел к заключению, что они только и ждали, чтобы их уговорили, но тогда он искренне полагал,

будто перед ним стоит сложнейшая задача и не жалея сил расписывал им преимущества своего плана.

– И он их уговорил? – спросила Бэби ван Ренселар с обычным женским интересом к матримониальным делам.

– Уговорил, – успокоил ее дядюшка Ларри. – Не устояв перед его красноречием, дух-покровитель Дунканов и привидение, обитавшее в старом салемском доме, согласились на помолвку. С тех пор они ему больше не докучали. Вздорные призраки остались в прошлом. И в тот самый день, когда счастливый Элифалет Дункан поджидал Китти Саттон у ограды церкви Милосердия, они тоже обвенчались, призвав на помощь знакомого призрака духовного звания. Сразу после церемонии призраки-жених и призраки-невеста отбыли в свадебное путешествие, а лорд и леди Дункан поехали на свой медовый месяц в старый салемский дом.

Дядюшка Ларри умолк. Сигарка у него опять догорела. История про двух вздорных призраков была рассказана. Маленькая компания на палубе океанского лайнера погрузилась в задумчивое молчание, пока его не нарушил свирепый рев сирены на маяке, способный пробиться сквозь самый густой туман.

Чарльз Уэбстер Ледбетер Комната барона

Перевод Людмилы Бриловой

Мадам Елена Петровна Блаватская отличалась многообразием талантов и была самой необычной личностью из всех, кого я знал. Ее последователи, разумеется, видят в ней выдающегося учителя оккультизма, которому все мы бесконечно обязаны, но для нас, кому повезло быть знакомым с ней непосредственно, она значит гораздо больше, и наша память хранит ее в самых различных ролях. К примеру, в тех редких случаях, когда она соглашалась продемонстрировать свой талант пианистки, ее игра поражала и зачаровывала. Пусть она ненавидела условности и нередко без всякой необходимости их нарушала (или так нам в то время казалось), однако при желании изобразить большую аристократку выступала в этом амплуа так убедительно, как никто другой. Блестящий собеседник, она могла рассуждать о чем угодно, но ближе всего ей была область мистического. Все ее повествования бывали остроумны и выразительны, но лучше всего ей удавались истории о привидениях.

Никогда не забуду нашего совместного путешествия из Египта в Индию в 1884 году, когда мы вечерами слушали на борту парохода «Наварино» ее рассказы. В пеструю компанию наших попутчиков затесалось несколько миссионеров, причем иные из них того агрессивно-невежественного типа, что в нынешние времена, пожалуй, немного повывелся. Пикировки происходили сплошь и рядом, причем презабавные, поскольку мадам Блаватская знала вероучение и священные тексты христианства гораздо лучше, чем его самозванные поборники. Однако даже самые зловередные из миссионеров поддавались гипнотизму, когда мадам Блаватская вечерами после обеда принималась рассказывать на палубе истории о привидениях. Она зачаровывала слушателей, играла на них, как на струнах, и при случае наводила такую жуть, что, как я неоднократно замечал, они после подобного рассказа боялись оставаться одни и повсюду ходили парами.

Именно при таких обстоятельствах мы познакомились с «Пещерой эха», «Околдованной жизнью» и другими легендами, которые при желании можно прочитать в ее «Кошмарных историях». Я запомнил один эффектный рассказ, не попавший в этот сборник. Если бы у меня получилось изложить его в манере мадам Блаватской, читатели, вероятно, испытали бы те же чувства, что и мы в тот вечер, но я знаю, что это невозможно. Однажды я пересказал этот сюжет, как сумел, одной своей знакомой – известной романистке, и она постаралась, кое-что меняя и привнося живописные подробности, сделать его выразительней и драматичней, однако и ей не удалось воспроизвести магическое очарование, каким облекла его мадам Блаватская. Что не сумела сделать писательница, то тем более не подвластно и мне, и все же я попытаюсь как можно точнее передать все, что запомнил из рассказа мадам Блаватской.

* * *

Двое юношей (назовем их Шарль и Анри) совершали как-то пешее путешествие по самым привлекательным местам живописной французской земли. Однажды, уже под вечер, перед ними возник красивый городок, лежавший в уединенной долине. Гостиницы, лавки и дома поменьше теснились в центре, на берегах небольшой речушки, а просторные жилища видных горожан были раскинуты по пологим склонам окрестных холмов. Друзья рассчитывали провести ночь в главной гостинице города; один из них, месье Шарль, собирался в гости к знакомым, жившим на окраине.

На краю долины, где дорога пошла под уклон, путешественники увидели старый, похожий на красивую картинку, дом, чуть ли не сплошь одетый плющом и другими вьющимися растениями. Он стоял немного в стороне от дороги и весь, вместе с обширным парком, носил на себе следы запустения, ясно говорившие о том, что здесь никто не живет, причем уже долгие годы. Друзья поразились как виду дома, так и его живописному расположению, и Анри, который увлеченно коллекционировал старомодную мебель, стал гадать о том, какие сокровища здесь, возможно, хранятся. Поскольку дом явно пустовал, юношам, естественно, вздумалось разыскать смотрителя, чтобы тот пустил их внутрь, и они направились к крохотной сторожке, тоже запущенной и тонувшей в пышной растительности и все же, несомненно, обитаемой.

В ответ на стук к двери подошел древний старец. Он выслушал просьбу осмотреть комнаты и, вежливо извинившись, отказал. Завязалась беседа: старый смотритель, очевидно, вел очень уединенное существование и был рад случаю с кем-то поговорить. Анри первым делом справился о мебели, узнал, что она старая, очень старая, и стоит нетронутой с тех давних времен, когда уехали последние жильцы, и им овладело неудержимое желание взглянуть на нее хоть одним глазком. Со всей возможной деликатностью он намекнул старику, что готов щедро его вознаградить, однако услышал в ответ:

– Нет, месье, простите, но это невозможно. Я бы и рад воспользоваться вашим великодушием: живется мне туго, а времена нынче тяжелые. Но нет, об этом не может быть и речи.

– Но почему же, в конце концов? – удивился Анри. – Дом явно годами стоит пустой; проезжие и прохожие появляются редко, никто ничего не узнает, так почему бы не сделать приятное нам и не заработать самому?

– Ах, месье, не смею. Не из-за владельца или его агента: они и вправду ничего бы не узнали. Беда не в них, беда куда хуже! Не смею, месье, вы уж мне поверьте.

Почувяв тайну, друзья надели на старика, упрасывая открыть им истинную причину, и после долгих уговоров выяснили: у дома дурная слава, там случались ужасные вещи, и последние два десятка лет никто туда не входил, за исключением только агента, который изредка появляется и делает осмотр. Еще больше, чем старой мебелью, Анри интересовался сверхъестественными явлениями. Тут же заподозрив нечто занимательное, он спросил:

– Вы говорите, у дома дурная слава? То есть, по слухам, там являются привидения?

– Увы, да, месье, – признался старик. – Но это не пустые толки, а жуткая правда.

Разумеется, наши приятели не успокоились, пока не услышали всю историю, хотя это стоило им немалого труда: старику, судя по всему, не хотелось говорить, и, ведя рассказ, он то и дело осенял себя крестным знаменем. Сюжет оказался прост; последний владелец вел жизнь скрытную и порочную, предавался, по слухам, дикому разгулу, заботился только о себе, был чудовищно жесток и сластолюбив. Подробностей старик не знал, но, так или иначе, дела барона всплыли на поверхность, на него посыпались несчастья, от которых он нашел (или думал, что нашел) избавление в самоубийстве. Однажды вечером он неожиданно-негаданно возвратился из Парижа, и на следующее утро его обнаружили мертвым в кресле. Горло у барона было перерезано.

По словам старика, за этим последовала череда самых страшных разоблачений, одна история безумней другой. В чем именно они заключались, смотритель не знал, миновало слишком много лет, да он и не разобрался во всех этих сложных обстоятельствах. Была вроде бы какая-то тяжба, семья потеряла все богатства, дом достался дальним родственникам. Судебное разбирательство завершилось, и новый собственник вступил во владение, когда со смерти барона минуло уже много лет. Но и тогда к обстановке дома никто не притронулся; ожидали нового хозяина, чтобы он все осмотрел; только, с помощью приглашенных садовников, привели в порядок парк. Прибыл хозяин с женой и слугами, провел в доме ночь, а на следующий день они, объявив, что ноги их больше здесь не будет, вернулись в Париж.

– А что с ними случилось? – изнывая от любопытства, спросил Анри. – Что они видели?

– Не знаю, месье, – ответил старик. – Слухи ходили разные, а какие из них правдивые, трудно сказать. Хозяин попытался сдать дом в аренду. Дважды там селились жильцы, но дольше одной ночи не задерживались. Во втором случае вышел скандал: одна дама была так напугана, что с ней случились припадки. Потом, говорили, она лишилась рассудка и умерла; после этого дом уже не сдавали. Правда, четырежды приезжали чужаки с письменным распоряжением от хозяина пустить их на одну ночь, и всякий раз это добром не заканчивалось. Один, как господин барон, перерезал себе глотку; другого хватил кондрашка, еще двое от страха сошли с ума. При одном упоминании этого места всех стало бросать в дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.